

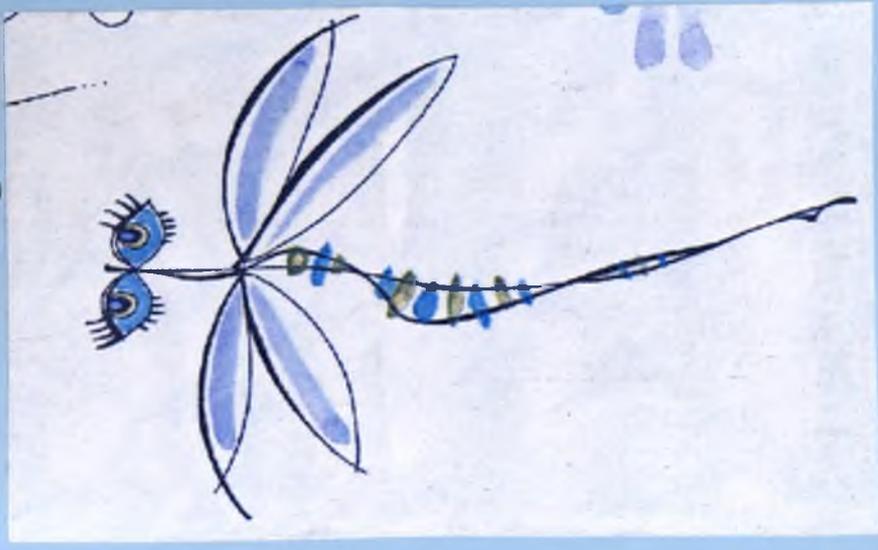
# СТРЕКОЗА

Литературный альманах

№6

- Яков Авербух
- Барс
- Вадим Блинов
- Александр Боев
- Владимир Беляев
- Валентина Турьева
- Елена Волкова
- Светлана Ворошилова
- Яна Долинская
- Михаил Жаравин
- Александр Капченко
- Александр Казначеев
- Антон Квасоваров
- Татьяна Корнилова
- Андрей Коков
- Юлия Клюкинова
- Людмила Крищенко
- Ольга Кузнецова
- Андрей Кузнецов

- Леонид Куршев
- Татьяна Матвеевская
- Ираида Метляева
- Майя Мамукелашвили
- Анатолий Новожилов
- Руфь Рафалович
- И.К. Рылов
- Тамара Сизова
- Натasha Сучкова
- Андрей Тютюшев
- Павел Тимофеев
- Арик Трещалов
- Любовь Трунова
- Сергей Фаустов
- Надежда Черкасова
- Антон Черный
- Валерий Халяпин
- Талина Щекина
- Елена Юшкова



Бологда Боронезж Казнас Москва Новороссийск Саратов Суоми Туанге

2001

2002

84 (2 = Рус) 6  
1. Поэзия.

22/1-03 - 2464/16  
23/1.03  
4.05.10 ОКБ  
15/11-15 ОКБ

В этом номере:

Заоблачный коктейль.....  
 Андрей Коков  
 Светлана Ворошилова  
 Андрей Таюшев  
 Валерий Халяпин  
 Прозы.....  
 Любовь Трунова «Парад по  
 Поэзы и поэмы.....  
 Павел Тимофеев «Русский  
 Драм./машина.....  
 Людмила Крищенко «Мань  
 Поэзы и поэмы.....  
 Ольга Кузнецова «Почти ро  
 Заоблачный коктейль.....  
 Яна Долинская  
 Андрей Кузнецов  
 Антон Черный  
 Прозы.....10  
 Елена Волкова «Большие бабы»  
 Поэзы и поэмы.....12  
 Яков Авербух «Отрывки из Песни песней»  
 «Здравствуй, враг мой!»  
 Прозы.....14  
 Татьяна Матвеевская «Немножко меня»  
 Заоблачный коктейль.....17  
 Владимир Беляев  
 Александр Боев  
 Поэзы и поэмы.....18  
 Наташа Сучкова «Как чибис»  
 Ожерелье Цербера.....20  
 Александр Казначеев «В пределах одного стиха»  
 Тамара Сизова «В монтажной мастерской»  
 Вадим Блинов «Песчинка, канувшая в Лету»  
 Сергей Фаустов «На территории мелочей»  
 Руфь Рафалович  
 «Сакэ нахлебавшись, пошли самураи...»  
 Вадим Блинов «Ударить крокодила по щеке»  
 Прозы.....24  
 Елена Юшкова «Консультация»  
 Прозы.....28  
 Михаил Жаравин «Проступок Содэ»  
 Прозы.....30  
 Галина Щекина «Хоба»  
 «Золотой век объявляется открытым»  
 Ожерелье Цербера.....34  
 Сергей Фаустов «Министихоформы для друзей»  
 стенгазета СТРЕКОЗы.....35  
 Арик Трещалов  
 Анатолий Новожилов  
 Валентина Гурьева  
 Юлия Клюкинова  
 И.К. Рылов

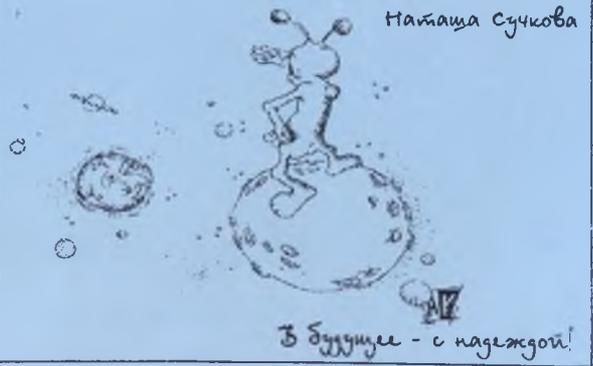
**ЕКОЗА №6:**  
на новенькое?

оя читатели-писатели!  
 х иренущей страницами све-  
 по счету «СТРЕКОЗа».  
 ого? Во-первых, невозможно из-  
 сттура «СТРЕКОЗКни». Ста-  
 ки новые имена, наряду со сти-  
 оэтами и поэтами, критичес-  
 м цербера», совершенно очевид-  
 » и сборным эзотическим «За-  
 лем», вы сможете прокатить  
 ой «Драм./машина»: забавная  
 ыки» Людмила Крищенко за-

статьи вы убедитесь своим страхом. Во-вторых, расширился «СТРЕКОЗКни» арсенал обихода, на обложке - города, человечки из которых напечатаны в этом номере. Плюс ко всему, в процессе работы над этим выпуском стихийно образовалось Добровольное общество охраны стрекоз, почетными членами которого - помощниками, советчиками, рисовальщиками, спонсорами стали именитые ниже господа-наши товарищи: Галина Щекина, Елена Волкова, Ольга Кузнецова, Надежда Черкасова, Руфь Рафалович, Яков Авербух, Павел Тимофеев. Хотим же, что бы и вас почитали? «СТРЕКОЗКа» всегда рада и с удовольствием принимает любую посильную помощь: дельные советы, занимательные иллюстрации, критические замечания, свободно конвертируемую валюту, продукты, наконец, питание для издателя, авторов и членов их семей, а самое главное - живое человеческое слово.

Что останется неизменным? Количество страниц; старая добрая «Зануда», занудство-вали в которой Вадим Блинов, Руфь Рафалович, Тамара Сизова, Сергей Фаустов; оригинальные рисунки наших друзей-художников - больших оригиналов; и то удовольствие, которое вы надеюсь, получите от прочтения всего этого безобразия. Любви и добра вам!

Неизменная повелительница  
«СТРЕКОЗ»  
Наташа Сучкова



В будущее - с надеждой!

На первой странице обложки - рисунок Надежды Черкасовой, на второй - Антона Квасоварова, на четвертой - Леонида Куршева.  
Спасибо, друзья!

## ПАРАД ПОЭТОВ

Алла сидела на краю стола и сосредоточенно маялась дурью. Она переключала газеты из стопки в стопку, некоторые из них мяла, а некоторые разрывала на мелкие кусочки, причем, проследить закономерность ее действий не было никакой возможности. Изредка яркие картинки рекламы приковывали ее внимание. Пей пиво - будь проще! (Куда уж проще). Покупаем шкуры КРС! (Все время хочется прочитать как КРЫС). Брр! Розовый слоник, где ты? Я твоя мышка. Бред какой-то... Парад поэтов. Поэтом можешь ты не быть... Стоп. Алла лихорадочно разгладила скотканый лист. Парад поэтов... Все желающие... Стихотворения любой тематики... Она всегда считала себя если не талантливой, то, по крайней мере, весьма одаренной девушкой. Еще на заре туманной юности ей лезли в голову какие-то вирши и оставались на бумаге. И даже когда-то давно, в классе третьем ее творение с дивными строками «Всех фашистов переймали» заняло первое место на каком-то смотре... Алла выдернула ящики стола и вывалила их содержимое на пол. Здесь был ее архив. Все, что заслуживало внимания или, наоборот, не заслуживало его, помещалось сюда и покрывалось слоем пыли и времени. Старые письма, булавки, фантики (памятные конфеты, она купила их на деньги класса для призов на какую-то викторину), карточки с задачами (год назад, да и сейчас еще катастрофически не хватало дидактического материала по экологии и Алла делала его, призывая на помощь всю свою фантазию), детские шпартгалки, огрызки яблок и карандашей...

Ага, кажется нашла. Тетрадь с полуотделившейся обложкой, на которой было написано «Химия. Лекции», а чуть ниже, другим почерком «Философия - муть». Из всего этого можно было сделать вывод, что тетрадь общая. Алла открыла первую страницу. На листе неровными буквами было написано что-то про любовь и кровь. Алла села на пол, поджав под себя ноги, и погрузилась в критическое осмысление своего творчества. Вообще-то все ее стихи, если их можно так назвать, были чем-то белесым, слащавым. Изредка встречались сильные строки, но они тонули во мраке. Надо сказать, что это было действительно стихотворение, может, слегка подражательное, но! Но в нем был смысл, это раз, была рифма - два, оно не было длинным - три, и четыре - оно нравилось другим, нравилось по-настоящему, не из желания сделать приятное хозяйке тетради. С него и начнем. Алла дрожащей рукой набрала номер. Да, библиотека. Да, проводится акция. Через три дня. Культурный центр, поиск молодых дарований. Мы вас ждем. Печатный текст. Ах, нет печатной машинки, тогда от руки. Будем рады вас видеть.

«Какие вежливые люди, - подумалось Алле. — И ничего страшного. Юные дарования, это значит такие, как я».

На всякий случай у Аллы на столе всегда лежал запас черновиков-невостребованных детских работ, на них было достаточно места для повторного использования (работ на обрывках Алла не принимала). Алла достала ножницы, аккуратно обрезала несколько листков и начала писать. Вообще-то, она считала себя грамотным человеком, но почему-то, когда она выполняла что-либо ответственное, в самых простых словах проскакивали смешные ошибки, типа *Жытомир, сабой, конццентрация*. Кстати, последнее слово вошло в заглавие ее дипломной работы, и ошибку обнаружили уже во время защиты. Итак, Алла переписана стихотворение четыре раза, и, выбрав наиболее грамотную версию, согнула листочек и запечатала в конверт. Прошло три дня. Сами дни Алла не замечала - уроки, тетради, класс коррекции, телевизор...

Лишь ночью, когда в квартире гасился свет, и Алла забиралась под одеяло, в голове ее мелькало «Ой, мамочки! А вдруг?... Вдруг - только пук», - сердито обрывала она сама себя. Наконец, наступила суббота. Зачесав назад волосы и стянув их в жиденький хвостик, Алла отправилась в Культурный центр. Стоял апрель. Или март. Не важно. Была весна. На улицах еще лежал грязный снег, а лужи были такие восхитительные, что Алла, конечно же, промочила ноги. Чем ближе она подходила к культурному центру, тем сильнее у нее стучало сердце и потели ладони,

Алла подошла к крылечку. В это же время у центра остановилась красивая черная машина и оттуда появился мощный мужчина в длинном пальто и с бритым затылком. Он бережно извлек из салона хрупкую рыжеволосую женщину. Алла всегда испытывала трепет перед мощными бритоголовыми мужчинами в пальто, и поэтому почтительно посторонилась. Он вежливо пропустил свою даму вперед и захлопнул дверь, едва не сбив у Аллы очки. Алла мысленно перекрестилась. Она вспоминала о вере лишь в минуты волнения или страха.

Алла о труде (пружина у двери была слишком тугая) проникла внутрь. Давешний нахал небрежно сбросил пальто на руки гардеробщику. Чей-то голос кричал: «Пожалуйста, господа поэты, наверх!»

Эта фраза показалась Алле издевательской. Какие поэты? Желторотые сосунки, едва складывающие строки в столбцы. Да и неужели этот бугай тоже поэт? Да ему же только стрелки забивать. Ладно, не ее дело.

Перешагивая через ступеньки, Алла поднялась на второй этаж. Там, в просторном фойе (или холле) - она не знала разницы - стояли ряды стульев, на которых сидела весьма разношерстная

## Заоблачный коктейль

**Андрей Коков**

Милая. теперь. когда я один.  
и в бокале искрится слеза винограда.  
я очистил свой ум от случайных картин.  
и меня окутывает прохлада  
беспокойного ветра. и явственно не до сна.  
а в окно заглядывает луна.  
нависающая шербоатой громадой.  
под которой поживается сосна.

Эта песенка ветра, знакомая и тебе.  
поднимает меня над водой и сушей.  
а кристаллики льда на ресницах и на губе  
убеждают стремиться туда. где отступит стужа.

Вот ещё один день. насыщенный как неделя  
вместе прожитой жизни. – я счастлив что был с тобой.  
забывая тревоги и чувствуя на пределе  
всю тебя – и кожей. и головой.  
и влюблённым сердцем. и утомлённым взглядом...  
Пробегает ночь. Я вдали. не рядом.  
Я один в ночи. Холодно и темно.  
И в бокале светлом дрожит вино.  
как слеза винограда.

**Светлана Ворошилова**

I Вокруг - мои разбросанные мысли  
прикинулись вещами.

Возвращенье.  
попытка всцая о сбывшемся не думать  
и этим - всё в порядок привести.

За зеркала уходят все пустоты -  
вода фольги и леденец молчанья.  
там расстоянья - картами пасьянса -  
системой в хаосе законченных разлук

Темна дорога вне машины тела -  
бумажных крыльев пламени движенье -  
забудутся заботы и безделье -  
тепла и света пепел и слова...

Зачем теперь смотреться в циферблаты? -  
они не знают. что Свобода - время.  
снов ребусы рисуя наяву...

II Ты этим никого не удивишь  
Разлиты слёзы Осень. Дождь и насморк.  
Скорлупки одиночества и деньки  
общения - бряцающая мелочь.  
запрятанная по карманам дней.

Ты этому уже не удивишься.  
Осиротели реки любопытства.  
не страшно спать ложиться на рассвете.  
и - вдохновению не ровня аппетит.

Один вопрос  
что нынче ты называешь "этим"?

**Андрей Ташев**

Дни как кошмарные сны.  
Крутит февраль лихорадка.  
Черную жижу весны  
Выпей. родной без остатка  
Пей и не морщись браток.  
Плюнь на жженье сердца.  
От кровоточащих строк  
Нам уже не отвертеться.

## Валерий Халыпин

1

### В троллейбусе

"Вчера видела такие дешёвые колготки..."  
"Он смотрит на меня, а я ему: "Плесси-ка водки!""  
"Были с мужем в ювелирном. Столько красивых оправ!"  
"В чем дело, дочка?! Перестань дергать меня за рукав!"  
Мама! Мама!  
Я видела как облачко со стула упало,  
Мама...

"Я тыщу раз ему говорила. а он не слушал"  
"Мы скоро вернемся. Следи, чтоб он вовремя кушал"  
"Тут куча народу... Аккуратней. не сломай букет"  
"Ну чего ты хочешь, дочка? Да нет у меня конфет!"  
Мама! Мама!  
Я хочу, чтобы снежинки не таяли,  
Мама...

"Сметана. творог. яйца... и не забудь еще муки"  
"Столько краж в нашем районе... Надо бы сменить замки"  
"Бросила его. а он переживает до сих пор"  
"Ну-к стой спокойно, доча. у мамы важный разговор!"  
Мама! Мама!  
Смотри, воробушек... Такой смешной, ведь правда,  
Мама?

"Люблю его? Ты шутишь? Просто он хорош в постели..."  
"Увеличили цены на газ. Как они посмели?"  
"У него квартира и машина. Он умеет жить"  
"Куда ты смотришь, дочка? Давай мне руку. нам сходить!"  
Мама! Мама!  
А боженька умеет плакать?  
Не ругайся, мама...

### На отдыхе

Отдых – время для восстановления сил.  
свободное от каких-н. занятий, работы.

*Словарь русского языка С. И. Ожегова*

Папа читает пиво  
И мечтает о раках.  
Мама рисует ногти  
И купается в лаках.  
Папа очень красивый.  
Он обожает груши.  
Мама встает на локти  
Показать свос суши.  
Папа смотрит сквозь веки.  
Он восхищен узором.  
Мама слизала губу –  
Ей привиделся Зорро.  
Папа сказал, что некий  
Глупец бредит о свете.  
Мама стучала по лбу:  
"Увидал бы он Кэтти!..."

А песок все так же свистит  
В дюнах и под ногами.

Что, не слышно?

Как это льстит!  
Ах, все таки,  
Как это льстит  
Тому, кто остыл  
И днем превращается в камень.

А песок все так же

упрямо  
свистит...

1318566

публика. Правда, большинство этих людей с трудом можно было назвать молодыми дарованиями. Ухватив из последнего ряда свободный стул, Алла утащила его в уголок и постаралась слиться с цветом стены.

Странно, но мероприятие началось вовремя. Сначала выступила председатель, немолодая женщина с иссиня черными волосами. Она страшно рада всех видеть. Здесь собрался весь цвет Н-ской поэзии. Творения присутствующих озвучат сами присутствующие. Граждане, похлопаем! Граждане похлопали и далее поэты стали брать слово в алфавитном порядке, читали стихи, говорили, как здесь хорошо, махали руками, то есть шел нормальный творческий процесс. Зал (или холл) взрывался дружными овациями, в общем, все радовались. Алла сидела в своем углу и потихоньку замерзала. Сначала она внимательно слушала каждое выступление, потом, стала воспринимать картину в целом. Вдруг она обнаружила, что не взяла с собой тетрадь с текстом и стала пытаться вспомнить чего-нибудь из раннего. Заледенев окончательно, Алла погрузилась в подобие какого-то оцепенения и перед ее глазами промелькнули события двухнедельном давности.

Алла открыла для себя этот культурный центр случайно. Она зашла сюда в поисках дешевого внеклассного мероприятия. (Просто не все ее дети могли позволить себе дорогие экскурсии.) Центр очаровал ее. Ровный свет, картины, музыка. Алла первый раз видела выставку, где звучала музыка. Да еще бесплатно. Ее пятый класс это не оценил. У ребят была нормальная здоровая реакция детей на подобные заведения. Они пробовали картины на вкус, трогали пальцами, испытывали сигнализацию и задавали уйму неожиданных вопросов. Впрочем, никто не мерз.

“Алла Чеботарева присутствует?” Голос председателя вернул ее в настоящее. Да, да, вот она я. Алла вскочила и опрокинула стул. “Алла из тех авторов, что появились на нашем небосклоне впервые. К сожалению, она поскромничала и представила всего одно стихотворение. Но - просим!”

“Просим! Просим!” - скандировал холл (или фойе). Алла осторожно обошла ряд, стараясь никого не зацепить, и направилась к сцене. Внезапно она поняла, что тема сегодняшнего собрания - весна и любовь, а у нее, как назло, нет таких стихов.

- Поднимитесь на сцену, - шелестело из зала.

- Не, мне здесь хорошо.

- Возьмите микрофон

- Меня будет слышно.

У Аллы была особенность. Если перед ней собиралась аудитория, то какую бы ерунду она не городила, ее голос долетал до последних рядов.

Все прошло как по маслу. Зал в полной тишине выслушал ее, потом взорвался аплодисментами. Они были такими громкими и искренними, что Алла почувствовала, как за ее плечами вырастают крылья, а пальцы превращаются в подобие веера

“Граждане! За окнами весна, и я хочу прочесть еще одно стихотворение!” Зал одобритительно загудел. Алла встала в позу и начал читать. На середине текста она поняла, что рифмы глупы и вообще она ничего не помнит. Кое-как домучив стих до конца, она под громкие овации пошла на свое место. Действо тем временем продолжалось. Поэты выходили уже пачками, представляли стихи в лицах, пели, а бритоголовый даже топтался и танцевал. Потом все повалили на сцену целоваться и обниматься, а Алла тихонько пошла к выходу.

Спустя неделю она сидела в читальном зале библиотеки и, поминутно сморкаясь, ждала заказанные книги. Вдруг позади раздался голос: «Здравствуйте, вы ведь Алла?» Алла обернулась. Перед ней стояла незнакомая женщина с иссиня-черными, как вороново крыло, волосами. Впрочем, Алла никогда не могла похвастать хорошей памятью на лица.

Куда же вы исчезли? Вы произвели такое впечатление, что - У Аллы угрожающе зачесались лопатки. - Что я хотела бы посмотреть другие ваши тексты”. - Хорошо”, - прошептала Алла синими губами, а голове стучало: Я поэт? Поэт?”



Рисунок Антона Квасоварова

## ЭСТАФЕТА

(Русский рэп)

Я бомж. Я лежу в лопухах, за контейнером и  
жду, когда дворник весь двор дометёт,  
А то, увидев, как я роюсь в отходах, он спустит  
на меня всех собак.

Я дворник. Я мету, выгребаю, ругаюсь, и так  
бесконечно – весь год,  
А всё начальство – козлы, а управдом – размазня,  
интеллигент, к тому же круглый дурак.

Я управдом. Слово белка в колесе, между  
начальством с одной стороны,  
и алкашами-подчинёнными с другой.  
Я прихожу домой с фронта живой, валюсь в  
постель в бесконечную тьму.  
Я начальник коммунальных служб города и город  
весь, казалось бы – мой,  
Но надо мной стоит мэр, и все нити управления  
моей марионеткой уходят к нему.

Я мэр. Моя служебная машина отвозит детей в  
школу, меня на работу, но по коже озноб.  
Вдруг, если сделаю не то, тогда какой-нибудь  
бандит взорвёт в машине часовой механизм...

А я – братан нашей местной бригады, я качу на  
джипаке кого-то там разводить,  
а может быть получать пулю в лоб,  
И я хотел бы тормознуть, залечь в лопухи, как тот  
придурак, для которого, похоже, вся  
жизнь – коммунизм.

## СОСЕДИ

(русский рэп 2)

Она сидит на уроке, но в мыслях витает где-то  
очень далеко-далеко.  
Ещё бы, здесь всё так скучно, так занудно, что можно  
просто скиснуть с тоски.  
А тех краях, где ей быть хочется всё просто, всё  
доступно, легко,  
И там есть он – Чёрный Принц, супермен,  
культурист, артист, поэт в одном  
флаконе, и с ним они очень близки.

Великолепные закаты и ленивые рассветы,  
И в бокалах сладко плавится лёд,

Но испаряются мечты, удаляются бой-принцы,  
растворяются поэты,  
Провожать её никто не идёт.

А час назад её сверстник (парта сзади) почти  
в тех же витал облаках.  
Он был разведчиком, спасателем, ковбоем, покорителем  
нездешних высот.

Из рук злодеев спас красотку (Отродясь ему  
неведом был страх)  
И неизвестно какое число топ-моделей, принцесс,  
герцогинь, балерин, просто девушек из  
всевозможных хищных лап он спасёт.

Сладострастные лобзанья и пьянящие объятия,  
И сплетенья жарких талий и ног,  
Но – звонок! Все красотки одевают свои платья,  
Кайф кончается обломом, он отчаянно смешон, и  
невезуч, и одинок.

Они соседи по лестничной площадке, разделённые  
бетонной стеной.  
Они заложники иллюзий, фантазий, лунных замков и  
воздушных картин.  
И для него она – зазнайка и кокетка, он обходит  
её стороной,  
А для неё он – зануда, чудовищный тормоз, одним  
словом – кретин.

А школа кончилась и жизнь их закрутила и по разным  
сторонам развела.  
Они успели, соответственно, жениться, выйти замуж,  
развестись, уехать и вернуться назад.  
За это время идеалы потускнели и фантазии сгорели  
дотла;  
Им стал свойственен сугубый прагматизм и никогда  
не обольщающийся взгляд.

Но взгляды могут повстречаться невзначай, как бы  
украдкой  
Здесь, на улице, где все мы росли,  
И как всё будет продолжаться, для меня будет  
загадкой,  
Так как я уже сел в поезд и поехал к милой барышне,  
живущей на другом краю земли..

## Все меньше воды...

“Капли из крана” - третья книга Павла Тимофеева (после “Ванны в отеле” и “Луны и чайника”). Название ее символично и точно определяет суть содержания. Если в первой книге преобладали тексты песенные (хотя и высокого класса), то здесь перед нами предстал поэт без, образно говоря, музыкальных подпорок, оставшись один на один со словом.

Но гармония его не покинула.

Меньше стало в стихах фабульной загруженности, но пресными и скучными они при этом не стали. Событийность в сюжете постепенной уступает место лирике с глубоким философским подтекстом.

Вообще, П. Тимофеев - явление, на мой взгляд, достаточно уникальное. Ему с своим творчеством удалось слить воедино традиционное и новое (модернистское, пост-, пост-пост- и пр.) направления поэзии, и результат вышел отменный. Его можно читать без напряжения (все понятно,

Литературная  
БЕРТИШКА

все на русском языке), и в то же время не возникает ощущения, что все это уже было-было: зачитанности, затасканности образов, метафор и ритмов. Его поэзия юна, свежа и прекрасна.

Книга оформлена ориги-

**ДЕТЕКТИВ «Брат номер üks»**  
(русский рэп 3)

Подошёл  
Завалил  
Не хотел  
Наследил  
Погорел  
Замели  
Убежал  
Отомстил  
Эпилог:  
Зашибись!

Теперь – детали, коль скоро они представляют  
такой интерес.  
Предполагалось немного эротики,  
но обошлось-таки без.  
Место действия – старый подвал,  
провинциальный ад,  
Или столичный дворец с лабиринтами колоннад.  
Герой – молодой человек, из “наших”,  
отслуживший в войсках,  
Или манерный аристократ во фраке, с сединой  
на висках.  
Мотив: на глазах убита невеста, теперь –  
справедливая месть,  
Или, как в басне – герою хотелось вкусно попить  
и поесть.  
Его оппонент – полоумный профессор,  
опасный маньяк,  
Или преступный клан, который не одолеть никак.  
Можно только бежать или скрыться в одну из  
секретных нор.  
Итак, премьера! Гаснет свет. Механик, мотор!

Посмотрел.  
Не дышал.  
Офигел.  
Рассказал  
Всем друзьям.  
Прошёл год.  
Помню лишь –  
Зашибись!

**ПОБЕДА**

Груз серых дней втопчет меня в эту грязь,  
И я перестану вокруг разбрызгивать свет.  
Ты, по дороге в школу, оставишь след  
На спине моей, что корнями с землёйрослась.

Кусочек меня прилипнет к подошве твоей.  
А ты переменишь обувь и в класс войдёшь.  
Начнётся урок. Ты глянешь в окно – там дождь  
И небо спросонья нависло свинца тяжелей.

И я в твою высь молитву пошлю, как встарь  
Царю челобитную, прямо с сырой земли.  
И луч сквозь тучи зажжёт тебя изнутри,  
С души наконец прогнав эту тяжкую хмарь.

**ВСТРЕЧА**

Женщина, что идёт навстречу,  
Была твоей, но очень давно.  
Теперь всё равно,  
Всё одно –  
Походка, и стан, и плечи,  
И губ пьянящая влажность...  
Эка важность!  
Всё это погребено  
Солью-болью,  
Страхом-сахаром,  
Не разберёшь.  
Наврешь с три короба,  
Нитками белыми пришьёшь,  
На ходу бросишь – “До скорого!..”  
Но всё-таки улыбнёшься.  
А всё-таки стан, походка  
Цепляют, хватают за глотку,  
И ты на ходу обернёшься...  
Но надо идти вперёд.  
Другая женщина ждёт.

**КУЗНЕЧИК**

Осенью песни травы мертвы.  
Кажется, весь небосвод падёт.  
Прелью пахнут поля, и я  
Сам, вероятно, умру, к утру.

**БОЛЕЗнь**

Лето песню свою спело, улетело.  
Солнца стрелы не задели моё тело.  
Я белею в полумраке, я болею.  
Я к тебе бы улетел, да не умею.  
Харю хмурю, чёрный чай цежу сквозь зубы.  
Волком был бы, так завыл бы на луну бы.  
Пусть не вороном, хотя бы воронёнком  
Обернулся бы, рванул в твою сторонку.  
Только нынче кашель, пот, температура.  
Да луна в окошко пялится как дура.  
Чайник кажется остыл, да ладно, бог с ним.  
Мысли вздорные свои в один клубок свил,  
И сижу, с ума схожу, гляжу в окошко.  
Чай в стакане без конца мешаю ложкой.  
И плывёт в окне луна своей тропой.  
Невдомёк луне, что болен я тобою.

**ОБМЕН**

Встреча на узком мосту.  
Медленно сблизилась и разошлись.  
Я – на эту сторону, ты – на ту.  
Что ж, такова жизнь.

Глупый шпионский фильм.  
Взгляд на мгновение задержав,  
Мы уходим к своим –  
Агенты разных держав.

Нас как-никак там ждут,  
Встречают, награды вручают...  
Почетная пенсия. Мемуарный уют.  
Стакан печального чая.

нально на манер перекидного календаря и со вкусом (оформление Ю.Шелковой).

Блох при желании наловить можно, но занудствовать не хочется. С нетерпением буду ждать новой книги, но надеюсь все же, что называться она будет не «Перебои с водой», не «Жажда» и не «Засуха».



Темная улица, по ней спешит мужчина в плаще, в шляпе и с чемоданом, он оглядывается, рукой что-то придерживая на груди. Он проходит, затем появляется женщина, она спешит и тоже оглядывается. Снова появляется мужчина, он идет за женщиной, но не замечает ее, она убыстряет шаг, он тоже, она наконец, устав, останавливается в узком проходе, он на нее натывается, оба кричат.

Она: Ну, убивай же, убивай, гад кровожадный! (Закрывает глаза и падает в обморок). Он приходит в себя, потом пытается привести ее в чувство всеми способами, последний – искусственное дыхание. Она приходит в себя и начинает его бить.

Она: Гад, насильник, извращенец, получай же! (Она при этом полулежит на земле).

Он (прикрываясь руками): Прекратите сейчас же, как я завтра на работе появлюсь?!

Она: На какой еще работе?

Он: Маньяки в свободное от удушения время еще и работают иногда.

Она (лежит, приподнявшись): Где, на бойне или в душегубке для бродячих котов?

Он: Ветеринаром.

Она: Ага! Прекрасно, значит, собачкам бедным головы рубите!

Он: Хвосты.

Она: Небось, без анестезии.

Он: По-разному.

Она: И что, нравится?

Он: Да, это мое призвание.

Она: Интересное оправдание для извращенной психики – призвание, главное как красиво звучит!

Он: Нормально звучит. Я по отцовской линии пошел.

Она: Вот это здорово, прям как у Чикатило – преемственность поколений.

Он: Ничего смешного в этом нет.

Она: Конечно, скорее заплачешь. А мамочка чем, простите, занималась? Кого душила или резала?

Он: Мама была портнихой.

Она: Да... Тоже своего рода хорошая профессия для маньяка. Можно так поиздеваться над клиентом, обрезав один рукав короче другого, что клиенту уже ничего отрезать не надо и так помрет от инфаркта.

Он: Не надо оскорблять моих родителей! И вообще, чего вы ко мне пристали?!

Она: Я к вам пристала?

Он: А то кто?!

Она: Ну, и нахал! (дает ему пощечину). Это вы ко мне пристали наглým образом и чуть не изнасиловали, простите.

Он: Я вас?!

Она: Нет, я вас!

Он: Да, вы и вправду слишком уж подозрительная, просто маньячка какая-то, чего вы тут разлеглись посреди улицы? Проходу от вас нет!

Она: Это вы на что намекаете?

Он: А на что хотите?

Она: Я надеюсь не на размеры моей фигуры?

Он: Это я намекаю на ваш нахальный характер! Дайте мне пройти.

Она: Куда это вы собрались?

Он: А что вам собственно от меня надо?

Она: Как что. Вы же – маньяк. Вы же только что напали на меня, а теперь вот так просто уходите.

Он: Я – маньяк?! А..., ну да, я и забыл про это. Да, я – маньяк, но вы меня достали, и я хочу поскорее уйти домой к своим собачкам.

Она: Которым вы будете отрубать головы?

Он: Нет, отрывать!!!

Она: Значит, какие-то там собачки вам дороже, чем я! Нет, вы определенно, извращенец. А, что это у вас за чемоданчик в руке, наверное, орудия пыток?

Он: Да. Дайте, мне пройти!

Она: И вы считаете, что я вот так запросто отпущу маньяка разгуливать на свободе, чтобы он приставал к другим гражданкам. Ни за что!

Он: И что же вы собираетесь делать, простите?

Она: Лежать!

Он: Но я же вас запросто могу убить!

Она: Только попробуйте. Выстрел будет слышен на весь квартал, а зарезать и удушить меня я не позволю. Я буду защищаться.

Он: Послушайте, вы, случайно не из психбольницы шли на ночевку домой, а?

Она: Да, из психбольницы и тем горжусь!

Он: Поймите, я ветеринар и ничем вам помочь не смогу, да это и не лечится. Собачек тоже иногда приходится усыплять, как ни печально.

Она: Про собачек я уже слышала, может, теперь перейдем на людей. Сознайтесь, кого вы придушили или прирезали этой ночью?

Он: Пока никого, но, кажется, скоро я это сделаю.

Она: Слушайте, а что вы там левой рукой под плащом прячете.

Он (испуганно): Ничего я не прячу... Сердце у меня болит.

Она: Маньяк с больным сердцем, как романтично! Сначала он их душит, а потом у него болит за них сердце.

Он (четко выговаривая): Поймите же вы, наконец, я не психиатр, я – ве-те-ри-нар. Я ничем вам помочь не могу.

Она: Зато я психиатр, я вам быстренько помогу, я вас от всех извращений избавлю, курицу есть не сможете, не то, что человечину.

Он: Господи, да уберитесь же вы, наконец! (пытается сдвинуть ее с места).

Она начинает визжать, он закрывает ей рот.

Он: Тише, тише! Прошу вас, сейчас вся округа сбежится.

Она: А мне этого и надо.

Он: Да, зато мне не надо!

Она: Ну, это понятно даже и не психиатру.

Он: Вы что действительно психиатр?

Она: А что не похожа?

Он: Да, нет, как раз очень похожа... Так вот, я вас, как врач врача, прошу: отпустите меня домой, пожалуйста, там собачки скулят, они хотят пи-пи. (Гладит ее по голове). Хорошая девочка, хорошая.

Она: Вы что же меня за психопатку держите?

Он: Нет, за психиатру!

Она: Да, я вам сейчас документы предъявлю.

Он: Первый раз слышу, чтобы маньякам предъявляли документы. Давайте. И пусть про меня не говорят потом: "Прибил и фамилии не спросил!" Граждане, будьте справедливы к бедным маньякам!

Она: Натё, смотрите. Тут все написано: Громыхайло Мария Ивановна – медсестра психиатрического отделения 10-го филиала 1-й городской психиатрической лечебницы имени Павлова.

Он: Господи, а почему же Павлова, он, что тоже того?

Она: Это вы того, а он нормальный был человек.

Он: Я тоже нормальный. У меня и справка есть. Вот смотрите: проездной, паспорт, военный билет.

Она: А там нигде и не напишут, что вы маньяк. Маньяки – они на вид же совершенно нормальные люди. Видите, у вас даже сердце болит.

Он (в бешенстве): Да не болит у меня сердце! Собака у меня тут! Собака!

Она: Господи, он их даже с собой носит, чтоб по пути не скучно было. Пока жертву не встретит, он ей все лапки поотрывает.

Он: Да целые у нее лапки, целые. Посмотрите же вы, наконец

Она: Значит еще не успели.

Он: Я не маньяк, я - вор! Я украл эту собаку и пусть меня отдадут за это под суд, но я все равно бы ее выкрал из этого дома. Они хотели ее



усыпить за то, что она испачкала им новое кресло. Я отказался, я не маньяк и не изверг, я думал смогу подействовать на их совесть и склонить к милосердию. Они ведь порядочные люди, не психопаты, как вы и не маньяки, как я. Они нормальные люди с в/о и без в/п. Да, конечно Констанцию пришлось забрать, не хотелось выглядеть плохими в моих глазах. Но я специально позвонил в душегубку. Они вызвали машину на завтрашнее утро. Просто мне и собаке повезло, сегодня все было расписано по минутам. Десятки невинных и несчастных жертв за день. Что там я со всем своим послужным списком. А теперь можете кричать. Они, наверняка, тоже услышат, их дом рядом, может даже милицию вызовут, как порядочные люди, а там придется все сказать про собаку и завтра ее отравят газом. Кричите...

Она: Вот же сволочи! Ладно, пойдёмте, я вас провожу, а то мало ли какой маньяк по пути встретится, а я же все-таки психиатр, уж очень песика жалко...

## Почти роман

## ПОЧТИ РОМАН

Ветер переменился.

Листочки спрятались в почки.

Реки в ручьи вернулись, камни свои обнажив.

Ты - брешь пушок на скулах, страдаешь,

кусаешь губы, пишешь стихи на бумажке,

в темное смотришь окно.

Я - в передничке школьном, думаю об оценках.

а о мальчишках дерзких слушаю старших подруг.

А вот - я еще не родилась, и даже не собираюсь,

мама братишку нянчит, полная грудь молока.

А теперь вдруг и ты - не родился, мама твоя -

студентка, с папой идет в институт...

Но ветер переменился -

будто там кто-то светлый  
очень спокойный, мудрый,  
подумал, глаза сощурил,  
и только махнул рукой.

И ты уже бегаешь в школу, тайком папиросы куришь,  
вместе с другими парнями лазишь в чужой огород.  
И от рассказов родительских грезишь далекой Москвою...  
А я - я всерьез собираюсь родиться,  
И точно знаю - зачем.

\*

Ему не нужна моя нежность  
Нужна как и всякому  
Как и всякая

Все какие-то расстояния надуманные как стихи,  
что читала и пытаюсь не читать,  
Это не нормально говорить стихами  
Нормальнее молчать, молча  
Превозмогать расстояние.



Рисунок Антона Квасоварова

\*

Вышли воздуха,  
в угловатом конверте  
с маркой наискось  
со словом «здравствуй»  
с завитушкой на первой букве  
или кляксой на первой строчке  
А можно - без  
А можно - без

Молекулы наши перемешались и как разберемся  
- где ты, где я.  
Нас не будет уже - порознь, а если и случимся,  
то уже совсем другие:  
у каждой клеточки не отнимешь память.

\*

Дверь открыта,  
Но тебя нет.  
Женщина в черном халате, с урной  
в руке выплыла откуда - то.  
- Нету его, - мимоходом сказала.  
- Нет.  
(Приметы: с сединой в бороде,  
и не знаю, что там, под ребром.  
(Да есть ли, ребро-то?)  
Может, позаимствовано для...)  
Нет, - смешливого,  
Ядовитого, как сок чистотела, который если брызнет, то...  
Пружинистого -  
как причудливый мох,  
похожий на оленье рога.  
Он такой серебристый, а после дождя...  
Что ж, придется настырной важенкой тебя  
по белу свету под снегом искать, губами осторожными  
трогать,  
чтобы не зазнавался...

\*

Как две вороны, будем сидеть молча и нахохлившись -  
воротники подняв вместе с плечами,  
обнимая каждый себя крыльями,  
хвосты поджав так, что их и не видно.  
Неподвижными глазами будем движение снега зеркалить -  
не впускать холод в себя. Зимовать...

\*

Когда-нибудь, наверное, весной, я все-таки тебя увижу.  
И обниму неловко, как всегда.  
И в волосы твои, счастливая, зароюсь...  
А после будем долго говорить так, ни о чем,  
о самом важном...  
Будем лежать на диване, стучаясь головами,  
рассматривать фотографии,  
сделанные когда были не вместе,  
будем есть орешки, присланные теткой с юга,  
или мандарины, и губы будет жечь их рыжая едкость.  
И время будет нестись за окнами.  
Когда вечер кончится, окажется, что за окном  
уже наступила зима...  
Да, да, весной, все это и случится.

Яна Долинская

В свою не зову тебя комнату.  
Тата, здесь воздух давно передышан.  
Дышу под одеялом - окно не заклеено.  
Лето с зимой у меня перемешаны.  
Ныкаю в щели лицо вместо ваты.  
Тата, по щелям ползут сновидения.  
Новым ложатся на волосы холодом,  
Лед распускает сокрытое облако.  
Красные нити в моих волосах.  
Знаешь, когда головы не останется  
Тело на нитях несчастно болтается.  
Нет головы, значит, нет и лица.  
Только есть родинка -  
Слева, Тата!

Кто-то зовет тебя в комнату.  
Ткни себя в грудь - там рождается родинка.

## В горячее кислое

Я желаю чего-то малого  
оголенные зубчики степлярят взгляд  
Рядом ходит по молнии  
Линия сваренного линолеума  
Уметь помешать себя в «через» (здесь - переступить)  
Пить ухажу вверх.  
Эх, тороплюсь - лью по ступеням.  
Я мешаю, нет мешкаю.  
Каюк ирландскому кофе от кислого молока.  
Локализация: свернувшиеся глаза!  
За линией указанное, как капкан.  
Как-то слишком много снега, чтобы жалеть  
Летучесть воздушно-капельного пути.  
Уйти? Развалиться, вдыхаться к чему-то большому:  
К музыке в «33 вариации на тему запяты»  
Или меньшему:  
Запаху собственных пальцев, чесавших голову.  
Уметь потупить глаза, когда что-то малое  
Единственное.

## Андрей Кузнецов

Скоро ночь, но рассвет не скоро.  
Я отдернул желтую штору.  
И смотрю в темноту. И мне  
Темнота интересней света.  
Кто сказал: "ничего в ней нету"?  
Это, может быть, сон во сне.  
Тридцать лет - никуда не деться.  
Золотое глупое детство.  
Юность, молодость - псу под хвост  
Я смотрю на луну с тоскою.  
Сердце екает - что такое?..  
Вдохновение - та же злость -  
На себя, на луну, на Бога,  
На расхлябанную дорогу,  
По которой брести вперед -  
Не оглядываясь, не плача,  
Вопрошая: "а что я значу?" -  
Падать задницею на лед.  
Это возраст Христа и Будды  
Но похмелье, долги, простуда  
Отменяют высокий штиль.  
На работе не взять аванса,  
И любимая в тихом транс  
Улетает за тыщу миль.  
Дай ей Бог серебра и злата.  
Белокаменные палаты  
И любви настоящей. Мне  
Остаются: бутылка, лира,  
Свет луны на задворках мира.  
Одиночество. Сон во сне...

Кармен

Е.Т.

9

По капле выдавлено из меня.  
Сердце красавицы склонно к измене  
И перемене, и перемене.  
Кармен, поставь чайник, свари пельменей!  
Я сделаю все, что в моем бессилье,  
Чтобы продлить обладание тобою.  
Как сильно меня твои ресницы взбесили.  
Зажгли, оборачиваясь этой болью.  
Да нет, все в порядке, моя Карменсита,  
Невинная жертва, святая блудница -  
Ты будешь - посмертно - да! знаменита!  
Туринскую плащаницу  
Тебе на плечи. Лечь, лечь  
На пол. Забыться.  
О! Кармен! Твоя плащаница...

Ну, что ты стоишь и не отвечаешь?  
Выключи газ, закипел чайник.  
О чем я? Ну что ты? О, боль моя!  
Почелуев в меня - целую обложку  
Всади, садистка!  
Давай, давай, Кармен, зверей!  
Я тоже зверю, сигарета не затушена!  
Прыжок! Сальто! Плод - зрей!  
Грянем сейчас батареей Тушина!

О, нет, ты смешаешься...  
Налей мне чаю...  
Где моя «Прима»? А, вот она, на кафеле...  
Глоток. Подожди, я не замечаю,  
А из правого глаза - закапало...  
Кармен! Ведь мужчина не может плакать!  
Мужчина не может, не может!  
Неужели страдание - недостаточная плата  
За любовь?  
Да не прячь ты кухонный ножик!

Я все, что мог, уже доиграл.  
Кармен, я люблю тебя, о горе мне, горе!  
Кармен, ты - зловещий замятинский корень  
Из минус одного,  
Погубивший Интеграл.  
Кармен, ведь - ТРОЕ - так не бывает!  
Это же бесчеловечно, пойми!  
Бесчеловечно... о человечности к богине взываю...  
БОГИ - не люди. Сволочь. Аминь!  
АМИНЬ! Ты слышишь, я люблю тебя, стерва!  
Кармен! Почелуем зажмешь рот.  
Но не прогонишь мысли, не успокоишь нервы.  
Не заставишь забыть, что есть другой,  
ТОТ!  
Подожди, я еще не закончил спич.  
Правильно гневашься,  
Ножика не боишься?  
Где мои спички?

Кармен, милая, сядь со мной рядом...  
Да, я согласен, мне все равно,  
Будет твой поцелуй медом или ядом...  
Из твоих глаз - в мои - патрон разрывной.  
Главное - еще несколько секунд ты - моя.  
Главное - еще несколько веков я - твой.  
Главное - обнял тебя вновь необъятную...  
Такой я тебя люблю, такой...  
Кармен, прости, я был немного резок.  
Но просто к горлу уже подошло.  
Да, я вправду хотел тебя зарезать.  
Но уже прошло.  
За что ты меня, за что?  
Выбери, наконец, или может быть, кто-то  
Из нас троих должен умереть. Кто-то...  
За что ты меня, за что?..

## БОЛЬШИЕ БАБЫ

Светало. С утра Степану было не по себе. Налил было чай – отставил. Хмуро почесал бороду, крепко задумался.

- Закурю, - решил Степан.

- Опять напье-чч-а, - услышал он голос Алефтины, - что ж ты ее жрешь, отраву?

- Так не тебя же, - буркнул Степан.

- Кабы ты знал, как я тя ненавижу-то, - оживилась Алефтина.

- А я... я... Как я котов-то твоих ненавижу...

На этом склока в семье Балакиных обычно заканчивалась. Каждый шел заниматься своим делом. Алефтина толкла яичную скорлупу, а Степан отправлялся во двор набрасывать на себя сеть. Он искал дыры.

- Хоть мух побей, дармоед, - кричала обычно ему вслед жена.

Распутывает Степан сеть и думает:

- Ну, продам я их.. А ну – продешевлю! А не продам.... А ну – прогадаю.

... Пять лет назад Большебабский леспромхоз стараниями его директора Кудихина был преобразован в АО. Как водится, напечатали акции, провели первую эмиссию, три раза гоняли директорский УАЗик в область Устав утверждать. Бензина пожгли немеряно.

После утверждения Устава нагнали самогона, закололи поросенка и начали новую жизнь. Леспромхоз стал теперь называться “АО Большие Бабы”...

- Алефтина! Распутай меня, - крикнул Степан со двора, заваливаясь на бок.

- Да что ж ты некузявый какой, - говорила Алефтина, - не мужик, а морхлая пендюрка, - и привычно распутывала Степана.

На курином дворе зазвонил телефон. В Больших Бабах телефоном народ не удивить. Когда свое АО создали, сразу телефонную станцию закупили. Поговаривали даже, что у Кудихина в кабинете будто бы факс какой-то есть.

Тогда, пять лет назад за дело дружно взялись. В первый год даже прибыль получили. Про “Большие Бабы” узнали в области. Приехал вице-губернатор, целый день рыбачил, в бане парился, кур ему коптили, три раза за коньяком в райпо посылали. Бензину пожгли уйму. Предлагали даже на дельтаплане покатать, но шлема по размеру не нашли.

Вице-губернатор успехами АО остался доволен. Особенно ему понравились Большебабские девицы из фольклорного трио “Голубка моя”.

После первого визита гости зачастили – из района, из области, даже из федеральной службы занятости. “Голубок” три раза на областное телевидение возили. Бензину пожгли...

И когда в конторе обнаружили первый “e-mail”, Кудихин только и мог сказать:

- Ё-моё!

В e-mail-е просили отгрузить 58 кубометров фанерного кряжа. К тому времени в Больших Бабах уже появился свой деревообрабатывающий цех...

Когда же в поселок приехали хорошо одетые мальчишки в белых рубашках? Точно вспомнить не мог никто. Только через пару недель прошел слух, будто бы вздымщик Васька Петухов продал им свои шестьдесят две акции. Но от него другого и не ждали – алкаш. Несколько дней Ваську никто не видел. Кудихин послал Степана выяснить – куда это их вздымщик заделался.

Клавдия – жена Василия – чистила стаю и разговаривать со Степаном не стала:

- Уйди, собутыльник...

- Какой я теперь собутыльник, - вздохнул Степан. - Акционеры мы с Васильком твоим...

Хотел Степан было уж возвращаться, только видит – пыль столбом на дороге. И все ближе к Васькиной халупе. Въезжает прямо в навозную кучу новая розовая “десятка”. Дверца распаивается и Василий – непривычно выбритый, аккуратно стриженный, роскошный до неузнаваемости, в белом твидовом костюме картофельным мешком вываливается наружу.

С водительского места поднимается лысый коротышка и нагло спрашивает, глядя на Клавдию:

- Это, что ли, Большие Бабы?

И Клавдия от неожиданности вдруг отвечает ему:

- Йес!

Новую “десятку” обмывали всем посадом. Виновник торжества обсыхал на



Рисунки  
Барса

полатах. Лысый коротышка оказался хватким мужичком. Акционеры, слушая его, обомлевали и забывали закусывать.

- Сидим мы, значит, с пацанами, - говорил коротышка, - утро раннее - часов одиннадцать. Вдруг появляется этот ваш, говорит "Я из Больших Баб". Мы ржать. А он - хочу, говорит, крутую тачку. Ну, мы ему эту розовую дуру и впарили. Потом оказалось, что он водить не умеет. Пришлось за полштуки мне машину перегонять в ваши Большие... - тут он глянул на Клавдию, - ... Бабы.

Назавтра вечером селянки судачили у колодца.

- Продавать надо эти, как их, акции лешевы.

- А Клавдия-то сегодня в город ездил. Коротышка ее возил. Приехала стриженная - ровно квач для поделки...

Что творилось в поселке в следующий приезд мальчиков в белых рубашках! Они скупали акции АО "Большие Бабы" по цене подержанных "Жигулей".

Треть акционеров мгновенно перестали ими быть.

Бабы хвастали у колодца новыми автоматическими зонтами и темными очками. А когда бабка Зоя поехала в район вставлять фарфоровые зубы, Кудахин понял, что пора вмешаться:

- Родину продаете, сукины дети! - кричал Кудахин.

- Чего продаешь? - не расслышала глуховатая бабка Зоя, хищно блестя новыми зубами.

... Теперь в московском автосалоне, который открыл для Больших Баб вздымщик Васька, утро начиналось одинаково. Ровно в 11 в дверях появлялся очередной странный посетитель.

- Вы из Больших Баб! - радостно угадывал продавец-консультант.

- Да, - отвечал тот, - мне это... "десятку"... розовую.

- Давно вас ждут! - и продавец - резвый мальчик в белой рубашке - привычно распахивал дверцу машины.

Собрались как-то в прошлом году Елена Волкова и Ольга Кузнецова заработать литературным трудом соли на доске и совместными усилиями написали такой рассказ «Пересортица». И отправили его электронной быстродействующей почтой на некий конкурс, организаторы которого обещали победителям по 300 долларов. Денег, как водится, не получили, но зато нарвались на рецензию «завзуды» Вадима Блинова.

Поздравлю, девушки!

Литературная  
БЕРТЮШКА



## «Пересортица» второго сорта?

Это - удовлетворительно. Обывателю понравится. Взвешенный, ровный, цельный текст. Не много и не мало, легко, свежо, тонко, весело. Кто-то испытает восторг. Я испытал чувство досады.

Это я о новом рассказе Елены Волковой «Пересортица».

Я привык к крепким, глубоким, высокоградусным текстам, мудрым и пронизательным. А хлебнул легкую бражку. Больше не хочется самогонки от Елены Волковой. Но на районном уровне это будет потребляться с благодарностью. Бабы, поющие в пищеблоке, будут хотеть еще. Им стыдно ехать в Париж, они мечтают о Японии.

В реальной жизни владелец ресторанной сети закупает сырье на внутреннем рынке. А вот так, чтобы бл...дь и одновременно депутат думы, и еще при этом ждущая контейнер с дрожжами из Франции - такое возможно только в дамских романах. А идея здесь дешовая. И лозунги, пред которыми склоняются неосознанно читатели - аморальны. Цель у героини одна спрятать от себя, от мужа, от людей бл...дский корень, от которого гниет семья. Спрятать его за ширмой иллюзорно-успешной жизни, за суетой, ярлыками и видеоклипами. И выставить эту мечту на всеобщее обозрение, и позвать в этот тупик всех гнилочерных и безголовых.

Писатель, инженер человеческих душ, он на гребне жизни, он архитектор будущего. Аморальный это писатель или высоконравственный - судя по рассказу - для Волковой - вопрос второй. Главный вопрос для нее - быть писателем. Это несерьезная суета. Я не вижу будущего у такой литературы.

«Богу - богово, а кесарю - кесарево?» Почему звонок в районное отделение милиции у Е. Волковой раздается в 19.40? Новости закончились по НТВ или по другому каналу начался сериал? Зачем такое ружье, которое не стреляет? Есть ли настоящие писатели с яркой харизмой, которые потрясут Вологду хитом? Вот в чем вопрос. Не чувствуется руки мастера. А рассказ «Пересортица» не самый плохой. Бывает и хуже.

Вадим Блинов  
ЗАНУДА  
ЗАНУДА

**Яков АВЕРБУХ****Отрывки из Песни Песней**

Под английским флагом теней от лесов  
 дощатых  
 У пощечины холода я испрошу пощады  
 Я увижу о поле мое любви и брани  
 В полусложенных крыльях крыш шалаши  
 с кострами

Этот скорченный воздух в  
 прямоугольной бреши  
 Мы в дому и в тюрьме остаемся  
 кочевники те же  
 Потому что в груди кровит -  
 не найти управы  
 Это сердце, которое рвется к кустам и  
 травам

Океан мой кормящий рек моих  
 миллионы  
 Я пустыни свои дождевать  
 научаюсь оным  
 А другая пустыня вокруг в черноте  
 вечерней  
 Оттого в своем веке оседлом я как  
 кочевник

Сестры мои - темней винограда сухого  
 Пясти мои и руки, лицо и плечи

Сестры мои, а тот, кто ко мне приходит  
 Белый как пух на боках и спине овечьей

Вот я стою и жду за дубовой дверью  
 Даже глаза закрыв, ничего не вижу

Сестры мои темна я как птичьи перья  
 Что через тысячи лет обо мне напишут

Лбом и ладонями я упираюсь в глину  
 Мировым маслом порог мой давно пропитан

Сестры мои пришедший ко мне любимый  
 Как различит, где Ночь, а где Суламита...

Вкруг девочки черной прозрачный  
 колышется воздух  
 На войлоке влажном парящим  
 под солнечным кругом  
 Мы оба и лилией пахнет ее треугольник  
 И к башням как хищные птицы  
 спускаются руки

С горы галаадской срывается  
 черное стадо  
 У нас здесь зима тот же войлок, но в  
 щели оконной  
 И та же пустыня и так же мертва как  
 эстрада  
 Горящего города под небосводом  
 огромным

**Яков АВЕРБУХ****Здравствуй, враг мой!**

Здравствуй, враг мой! В 2001 году  
 Я пришел посмотреть на тебя. Я уйду.

Жидкой солью стекает к расщелине губ  
 Твой мирок, от которого тремор и зуд.

Остается молится, помилуй-прости  
 Ненавидеть твой мир, только все же войти.

Я уйду от винта, понимая, что-Та  
 (Точно мертвого глажу за ухом кота)

И ни слова не слышать, за руки не брать  
 Понимая, что та еще будет жара!

Мы с тобою враги. Мы начертим круги.  
 Заклинаю тебя. (Окончанье строки).

Одна из улиц носит имя - «Ты»  
 Здесь переходы также полосаты  
 И шляются восточные солдаты  
 К блондинкам. Через торговые ряды  
 Как пароходы проплывают бабы  
 И офицер локального генштаба  
 Идет зигзагом, или лучше галсом

И сожалеет в том, что он не Карлсон.  
 Одна из улиц носит имя - Ты

2.  
 Одно из зданий носит номер два  
 В шестом подъезде не хватает лампы  
 На лестнице разбита пара ампул  
 И чернота оконная мертва  
 А в потолке следы от наших спичек.

В углу начертан фаллос (без яиц)  
 И больше не осталось ничего  
 Пардон, под крышей дома твоего.

3.  
 Любезный друг! Твой дом промозгл и сыр  
 И ты в холодной ванной по утрянке  
 Стираешь майки, плавки и портянки  
 И с нижней головы счищаешь сыр.  
 Когда вода всемирного потопа  
 Покинет плесневевший подвал  
 На землю тихо выберется жопа  
 А не любовь, как кто-то там сказал.

4.  
 Что у меня? Огромная страна...  
 Лапша б/п и "Липтон" в чемодане  
 Гастрит, усталость - две наилучших грани  
 Цыганской жизни. Как моя жена? -  
 Еще не родилась, но я надеюсь  
 И по утрам в отеле гладко бреюсь  
 А ночью, знаешь, Господи прости...  
 Всем женщинам в районе тридцати.

*Песком тротуары колени джинсою и драпом  
И все только снегом и в розово-синем галопе  
Сантехник у черного люка становится раком,  
Хотя может быть он близнец или лев в гороскопе*

*Но львы возвращают к пескам - неразумное чадо  
Прохладою ночи доколе твой день не остынет  
У нас две пустыни одна есть моя, но не чья-то  
Другая ее и мою не станет пустыней*

Но богам тебя не отдам  
Не твоим ни моим богам

Листья падают с верб к ногам  
Их уносит прочь Иордан

Иордан, как вербовый сок  
Омывающий соль камней

Потому есть на свете бог,  
Чтобы ты пребывал во мне

5

Ты ел на остановке эскимо  
На палочке. И чавкал неприлично  
Со временем становится обычным  
Твое, мой друг, изысканное чмо.

6.

Я жил на этой улице, я знал  
Что человек ты странный и нелепый  
И ты свою пустоватой репой  
Ты сам себе соорудил пенал  
Из адидаса, найк и кальвинклейна  
Одеколна с запахом портвейна  
Куря «Парламент», говоря «Растем!»  
Мой друг! Кому ты следуешь во всем?..



*Мы придем тосковать у одной вавилонской реки  
Заключая в руках ветки вербы, хлеща по ногам  
Здесь размеренный шелест, а воды мутны и горьки  
И какая-то прелесть в хрустальных ее берегах*

*И какая-то радость в хождении между камней  
В легкой боли стопы и шуршании голых колен  
Потаенная нежность, которая, знаешь сильней  
Языка моего или, в общем, всего на Земле*

*И в глубокой воде, омывающей твердь берегов  
Или в этом огне, что без воздуха был бы ничем  
Между рук человеческих - жадных, цветных анаконд  
Есть, которая пра-языков единиц и вещей.*

*Что не плещет наружу себя самое усмирих  
Не дает позывные рукам, закрывая глаза  
Про себя понимая - есть тысяча тысяч других,  
О которых мы помним, приняв и отбросив назад.*

\*\*\*

Друг мой! Моя рука еще хранит  
Холодных губ горячий отпечаток  
Ты лбом к стеклу холодному приник  
В ночном вагоне - темном и печальном

До встречи, Адонай и Асмодей  
Мой белый демон с взглядом этим сонным.  
До встречи! Пусть четыреста ночей  
Отнимут сон мой!

И потому в вокзальный этот плац  
Впиваюсь каблукон. Какого черта!  
Я ухожу за поволоку глаз  
Где несть числа для времени и счета!?

Враг мой! Пока вагон еще стоит  
Гляди в меня глазами бога Брахмы  
Враг времени. Люби врагов своих  
И я люблю и не жалею, враг мой!

Я запнулась. Просто шла и запнулась.

Сандалета громко щелкнула о землю, ладони зажгло от асфальтовой терки. Я растянулась на земле, выронив ружье.

- Ну ты чего? - нетерпеливо переступили перед глазами Борькины ноги в облупившихся клеенчатых тапочках.

- Ничего, - так тихо ответила я, что сама едва услышала свой голос.

- Вставай! - тапочки отвернулись от меня и горели теперь перед глазами красными задниками. Колготки у Борьки были розовые и большие - размера на два больше, оттого пузыри колготковых пяток нависали над тапочками, как сдувшиеся шары.

Борька сердился спиной, переступая ногами, как лошадка. Поверх колготок на нем были надеты трикотажные шорты, и по розовым ногам, выходя из-под мятых штанов, чуть ли не до середины бедра тянулись дугами припухлые колготкины швы.

маленькая коричневая корочка-дверь.

- Кто-кто в теремочке живет? - громко спросила я, стараясь перекрыть Борькин голос. Борька, мне показалось, заревел еще громче, да еще и развернулся ко мне лицом.

- Кто-кто в невысоком живет? - я распахнула дверцу мизинцем.

- Я, - неуверенно ответила я голосом живущей за дверцей капельки крови, которая уже высунулась по пояс из разбухшей ранки. Борька чуть стих.

- А кто ты? - спросила капельку я.

- Я - это я, ты что ли не видишь? - возмутилась я-капелька.

- Не вижу, - растерялась я-я и слишком резко захолопнула дверцу.

- А теперь? - словно дразня, капелька высунулась наружу из своего домика, потянув за собой блестящий малиновый след. Борька уже отвлекся от своего рева и теперь смотрел завороченно на мой локоть, лишь изредка шумно всхлипывая. Я вспомнила о нем и запоз-

*Татьяна Матвеевская*

## Немножко меня

*Рисунки автора*

Мне вдруг почему-то захотелось ударить его под колени, как раз пониже этих швов. Я представила, как он сложится пополам, даже захихикала - так мне стало смешно.

А Борька - он будто дразнил меня - даже не повернулся, а я глаз не могла отвести от его розовых ног. Я, не вставая, покрутила головой, ища, чем бы стукнуть Борьку под колени, и увидела свое ружье. У него только приклад был деревянный, а дуло - железное, наверное, как у настоящего ружья. Некоторое время я раздумывала - вроде бы жаль стало Борьку. Но я вспомнила про припухлые розовые швы и отвела руку для размаха. Потом зажмурилась - и ударила изо всех сил.

Борьку подкосило, он, как складной, шлепнулся коленями об асфальт. Он даже заревел не сразу - так не ожидал моего удара. Я разжала липкие пальцы, и ружье глухо стукнулось о землю. Тут Борька, наконец, заорал во весь голос. Он ревел здорово. Громко так, с привычаниями. Мне сначала даже завидно стало - так он ревел. Потом стало скучно.

Я сколупнула хрунку на локте. Она не оторвалась совсем, а лишь открыла ранку, держась с одной стороны на розовой тонкой коже, как на петельке маленькая круглая дверца. Мне показалось это смешно - туда-сюда, то захолопывалась, то открывалась под моим мизинцем

дало сказала:

- Не реви, Борька. Я тебе мой садик покажу.

Он сразу снова загудел, как труба. Мне даже не по себе стало - откуда столько шума в таком маленьком Борьке?

- Иди обратно, - шепнула я капельке. Борька перестал орать, но весь как-то напрыгся.

- Иди-иди, - я сделала большие глаза, а Борьке сказала:

- Видел?

- Видел, - со вздохом ответил Борька и лизнул мою ранку. Капелька испугалась и спряталась под Борькиным языком, подобрав свой малиновый шлейф.

Я подняла ружье за ремень. Борька встал, отряхнулся от земли, рукавом вытер под носом и шумно всхлипнул. Я на него не смотрела: вдруг захочу стукнуть его еще раз.



Дверца ранки сорвалась с локтя и легла у меня в руке коричневым кругляшком.

Борька засопел, зашмыгал носом, явно собираясь снова зареветь. Я быстро спросила:

- Борька, орел или орешка? - подбросила на ладони кругляшок. Он лег изнанкой.

- Надо говорить "решка", - сказал Борька.

- Ну да, - неуверенно сказала я. - Я же знаю. Борька близоруко ткнулся в мою ладонь, потрогал "решку" пальцем, снова вздохнул, потянул меня за ремень рубя.

- Ну, где твой садик, пошли.

Коленки у Борьки потемнели. На одной ноге сквозь лапшовый трикотаж проступила свежая кровь. Так мы и пошли. Борька хромал. Я тоже решила хромать. Только сбивалась: хромала сначала на одну, потом на другую ногу. Если подольше потренироваться, можно научиться, решила я.

Сначала мы пошли по тротуару из двора мимо дома №13. Он был такой же длинный, как и наш дом, поэтому в конце дома №13 мы остановились отдохнуть. Там, где кончался дом, начиналась школа для глухонемых №8.

В луже отражались стоящие у крыльца люди. Они разговаривали между собой с помощью рук: то складывали пальцы щепоткой, то растопыривали веером, двигали локтями туда-сюда, при всем этом быстро шевеля беззвучными губами. Можно было подумать, что они дразнят друг друга, просто кто-то сломал у них звук. Борька заторопил меня: он их боялся. Я сказала ему:

- Погоди.

Мы стояли у лужи, в которой ветками вниз качались большие дере-

вья, а небо было таким глубоким, что кружилась голова.

Я подняла с земли большой камень, стояла у края лужиного неба, немного подумала и кинула камень в самую-самую глубь.

Глухонемые сразу опустили руки, по ним стекали большие коричневые капли воды. "А с виду голубая", - успела подумать я. Борька побледнел, но куда не побежал. А глухонемые закричали. Не руками, а так - головой.

Шепотом. А потом как-то не шепотом. Ужасно так закричали - громко, даже слышно стало - АХЫХЫММА!!!



Страшно так! А Борька мне раньше говорил, что они - глухонемые - умеют кричать, а я не верила, я же не слышала, как они умеют кричать так страшно! -АХАХЫММА!!!!

Мне захотелось в туалет и я заревела. Я стояла и редела, а надо мной махали руками странные шепотоголосые взрослые. Я редела-редела, а потом открыла глаза и увидела Борьку. Он куда-то убежал, а, оказывается, ревел рядом со мной. Вроде мы неплохо ревели, поэтому, наверное, откуда-то взялась нормальная живая тетяка и так заорала на глухонемых, что мне стало нехорошо. Она кричала чего-то про детей, которым нету спокойной жизни.

Тетяка загородила нас с Борькой своей грудью, обхватила пухлыми, как колбасы, руками, и все еще чего-то голося (я когда реву, плохо понимаю), унесла нас от лужи шагов, наверное, на сто. По крайней мере, когда мы на время перестали реветь, мы были вне видимости крыльца школы №8 для глухонемых.

Тетяка сунула мне в руку коричневый в белых пятнах пряник и пропала. Мы еще немного поревели для порядка, потом сгрызли с пряника глазурь, выкинули обгрызыйш в лужу (в другую, не которая у крыльца), чуть передохнули и пошли дальше.

Нужно было идти через дорогу, потом пересечь парк. В парке росли маленькие деревья. Некоторые из них я узнала в лицо, березу, дуб, например. Было очень интересно, потому что Борька даже березу едва узнал.

У шиповника мы остановились - я нащипала с куста целый карман малиновых пахучих цветков.

Потом интересное кончилось, потому что кончился парк. Началась новая улица, и я вдруг поняла, что немножко забыла, куда идти. Поэтому я остановилась и громко сказала:

- А у нас в садике - бассейн. Борька сказал:

- Надо говорить "бассейн".

Я обиделась. Откуда он знает, как надо говорить "бассейн", если у него в садике даже лужи приличной нету, не то что ли бассейна! Но Борька сказал:

- А у нас зато хомяки есть.

Хомяков я тоже вспомнила, они были у нас в младшей группе. Из их аквариума пахло помойкой, но самое ужасное было не это: они сли кукурузные палочки. Настоящие такие, желтые, как солнушки, и обсыпанные сахарной пудрой. Ужас как мне хотелось этих палочек. А у хомяков - нам сказали - эти палочки были просроченные. Катяка Пирогова делала страшные глаза и говорила:

- Они же простроченные. Если человек их съест, он умрет.

Это впечатляло. Я один раз видела мертвого крота. Летом большая девочка из соседнего дома подозвала меня:

- У меня взаправдашний крот. Иди смотреть - у девочки глаза были как сливы - длинные и

блестящие. Она палкой открыла банку с надписью “Эмаль белая”, перевернула ее, и в песочницу рядом с ее ногой шлепнулось черное тельце. Девочка той же палочкой потыкала крота в голову, но он не пошевельнулся.

- Спит? - упавшим голосом спросила девочка и мигнула сливовыми глазами.

- Может. - сказала я. Но глаза-то у крота были открыты.

И вот когда Катька сказала, что будет, если я съем эти дурацкие кукурузные палочки, я представила вдруг, как я, лежу на дне банки “Эмаль белая”, а Катька тычет в меня палочкой от спинки стула. Мне стало смешно, и от смеха в животе палочек захотелось еще сильнее. Тогда я сдвинула стекло и запустила руку в аквариум. Хомяки вжалась в стенки. Кукурузные палочки подцепились вместе с опилками. Они были немножко мокрые и пахли хомяками, а по вкусу были ничего, почти как настоящие. Я быстро их сжевала и попросила у няни воды.

- Водички захотела, милушка, сейчас, сейчас, милушка, - няня как будто сразу поняла, что я сейчас умру. Она дала мне водички из стаканчика с мерной линсечкой и цифирками, а потом унесла в кровать - потому что тихий час. Она была такая добренькая, что я сказала ей:

- А я сейчас умру, няня.

- Что ты, что ты, милушка. Господь с тобой, чего удумала, и как это тебе в голову пришло? - няня заглядывалась вокруг, как будто я сказала что-то секретное.

Няня укрыла меня одеялом и ушла, а я ждала, когда я умру и разглядывала рисунки на стенах - я их всегда в тихий час разглядываю. Ежик из мультика про Тилли-милли-трямдию плыл по стене на гуашевом облачке. Я скосила левый глаз - я всегда так делаю перед сном - и Ежиков стало два, только один почетче, а другой побледнее, и к тому же они так и норовили слиться друг с другом обратно. Так я долго лежала, а потом, наверное, умерла на время. А может, уснула, не помню. А потом кончился тихий час.

Я все это вспомнила, и вместе с тем вспомнила, какой дорогой идти дальше. Вот сейчас прямо, потом будет школа, потом розовый дом, а потом - за кустами волчьих ягод начнется сетка садиковой ограды. Еще чуть-чуть пройти - и будут ворота с петушком. Если голова пролезет между металлическими прутьями, то пролезет весь Борька.

Я ему так и сказала - он выбрал щель пошире, вздохнул и полез. Когда его плечи и руки были уже на той стороне, на нас закричала какая-то чужая тетка. Она кричала издали, поэтому пока

было плохо слышно, что она кричит, хотя и так понятно. Борька испуганно дернулся сначала в одну сторону, потом в другую, я подумала было убежать, но Борька со страху вцепился в ремень моего ружья. Ружье жалко было оставлять вместе с Борькой. Вдруг еще он его потеряет. Или тетька его отберет. Они любят все отбирать, эти тетьки.

А тетька тем временем приближалась. Уже было хорошо слышно, чего она кричит. Борька с трудом протискивался сквозь решетку забора, но тетька уже подскочила к нам и схватила меня за шиворот. И Борьку схватила - он уже почти выбрался, только тапочку потерял на той стороне. Колготина сползла, а он стоял, как цапля на одной розовой ноге, и ему было никак не наклониться за тапочкой - тетька крепко держала его за рубашку.

Мы с Борькой переглянулись, чтобы хором зареветь. Потому что уже надоели эти взрослые до ужаса.

Я уже открыла рот, Борька тоже, и вдруг я увидела маму. Она шла в своем самом красивом платье - белом в синих цветах - и новых босоножках тесемочками. А рядом шли тетя Зоя, Павлик и Борькина мама. Вообще-то они не шли, они почти бежали.

Павлик еще издали показал мне кулак. У меня внутри все похолодело. Когда они приблизились совсем, наша тетька ослабила хватку. Зато Борькина мама вцепилась нам в воротники. От этого стало даже немножко страшно - к нашей тетке мы уже почти привыкли, а от Борькиной мамы не знаешь чего ожидать. Хотя чего от нее ожидать - тут и началось: убить вас мало, чтоб вас, паразитов, я тебе покажу, вы нас в гроб загоните и дальше. Борька так и стоял на одной ноге.

Я смотрела на свою маму. Она молчала, прижимая ладони к щекам, и из глаз ее текли слезки.

- Ты меня потеряла? - спросила я ее. Она кивнула, потому что не могла говорить.

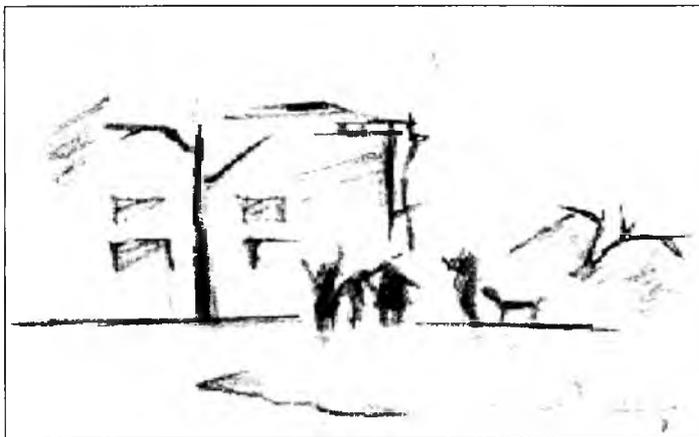
- Да ты не бойся, - я погладила ее по руке. - Я же тут.

- “Жстут”, - передразнил меня Павлик. Мама опять кивнула. Я ущипнула Павлика за ногу и сказала:

- С днем рожденья, мам. - и достала из кармана комочек смятых шиповниковых цветков. Мама протянула руку. Немножко лепестков рванулось из руки на ветер, и по асфальту размело влажные малиновые пятна.

Павлик сел на корточки, чтобы их подобрать, а их все дальше относил ветром.

На маме было самое лучшее платье - белое с синими цветами. Маме было двадцать пять лет. Она улыбалась мне и держала в ладошке комочек несбежавших лепестков.



## Заоблачный коктейль

**Владимир Беляев**

Туансе

### Встретишь Будду...

*встретишь на своем пути Будду – убей его...*  
коан дзена

Мимо всяких там лотосов, зыряка третьим глазом, идет себе Бодхидхатма, под мышкой завернут в лоскут дзен. А в этом дзене черным по белому сказано: «Встретишь Будду – убей его, уже развелось этих будд».

И все цари Поднебесной рехнулись об этого старца, которые – едут сами, которые – шлют гонцов, за пару-тройку советов сулят гонорар в полцарства, да только капризный старец не слишком охоч до слов.

Придешь к нему поклониться – стой буквой «Г»  
хоть до ночи,  
подашь ему горстку риса – в ответ никакого мерси,  
лишь иногда прищурит свои просветленные очи  
и ляпнет чего святого – хоть святых выноси.

И вот идет Бодхидхарма, как дождик сквозь раскаленную пустыню, как меченый атом, как раковый метастаз, и вот идет Бодхидхарма, рукой раздвигая вселенную, как крейсер, как лев саванной, в шакалах по ватерпас.

И вот идет Бодхидхарма, идет никуда ниоткуда и видит, как я развесил портянки у родника, подходит ко мне Бодхидхарма: «Так ты ведь, голубчик, будда.  
Раз так – приготовься к смерти. Помедитируй пока».

А я ему отвечаю: «Ты обознался, старче, в ваших делах нирванных я ни духом, ни сном; мне бы набить чем брюхо, да к тетке, какая помягче, а то что в глазницах бездна, так это похмельный синдром.

«Выходит опять промашка!» Плюнув, буддоубивец прычет обратно ножик, умерив зрачков рентген.  
«А точно не врешь? Не Будда? Ладно, живи паршивец. Встретишь Будду – убей его... а впрочем, какой тебе дзен?!»

Повторно плюнув, уходит, и я достаю из-под камня Миску для подаянья во весь честной Индостан, и мимо всяких там лотосов, в шафрановом одеянье, бреду, напомадив глиной растрескавшиеся уста.

### Случай с Германом

Луна была полной. Самое время летать на метле. В этот вечер Герман сидел и глядел в дисплей. Февральский снег форматировал диск городских площадей. Четверг, двенадцатое, что нам готовит грядущий день? Ближится полночь. Герман сжимает в руке пистолет. Где же тут спальня? Будь он неладен твой интернет! Храп из лакейской, часы пробили двенадцать раз, внезапно компьютер взвыл, экран подмигнул и погас.

Послышался кашель. Герман, гляди, у тебя за спиной в вольтеровых креслах сидит старуха в одной ночной рубаше: поодаль десять вооруженных парней с кодом бессмертья, с ключами от всех потайных дверей. Хакер наводит на старую ведьму свой пистолет: «Ни с места, сволочи! Прощу, графиня, откройте секрет!»

17

Литературная  
БЕРТИУШКА



*В начале декабря 2001 года в подмосковной Малеевке состоялся 2-й Общероссийский семинар молодых литераторов.*

*Внедренный вологодский «агент» Павел Тимофеев возвратился с чемоданом добытых ценой немалых усилий бесценных материалов – рукописей, книг, альманахов.*

*Некоторые творения участников и предлагаем твоему вниманию, бесценный читатель.*

*Всю ответственность за культурную диверсию взял на себя вышепоименованный Павел Тимофеев.*

И в вязи морщинок ее насмешливо сложенных уст Герман читает: «Попробуй: тройка, семерка, туз».

Дальше по плану: мой персонаж за зеленым сукном: Тройка, семерка... дама. Маниакальный синдром. Триумф Майкрософта, Билл Гейтс заработал еще миллиард.

сидит у вокзала, считает доход с порошковых карт. Враг входит в город, купив сторожей у главных ворот. Женщин – в гаремы, в свою поганую веру – сирот. А я был вирус, глядел с экрана, дышал в стекло отрыжкой файлов. Время мое наконец пришло.

## **Александр Боев**

Воронеж

### Памяти Набокова

(отрывок)

Озеро. Облако. Башня... Печаль.  
Это горечь утраты и чувство приютского крова.  
Если вечно перо, почему же ломается сталь,  
на немецком листе выводящая русское слово?  
Вьнь из бабочки мертвой иглу, и поставь в патефон,  
заведи что угодно – услышишь мотив возвращенья.  
Этот страшный мотив так похож на навязчивый сон,  
чей единственный смысл заменяет момент пробужденья.  
Остается – писать, забывая хотя бы на час  
всю бессмысленность места и цифру идущего года.  
Но отточенность фразы – как острая бритва у глаз,  
как движенья солдат из расстрельного взвода.  
И пусть прежняя жизнь превращается в пепел и дым,  
пусть уходят друзья, разрываются кровные узы –  
все равно, все останется с тем, кто храним  
беспощадной любовью единственной музы.



## БЕЛОЕ

Я ношу твою музыку в заднем кармане  
темно-синих хрустящих негнувшихся джинсов.  
покупатели семечек сыплют стихами,  
твоя музыка каплей соленой стекает  
по бедру за колено и кажется жизнью.  
Я ношу твою музыку - эту занозу,  
трехвольтовую жизнь по цене батареек,  
продавцы кукурузы ругаются прозой,  
твоя музыка кажется больше, чем просто,  
твоя музыка бьется во мне и болест.  
В моем заднем кармане бездонно и пенно,  
в моем заднем кармане приручена прорва,  
авторверс на взводе, и вроде всё верно,  
но бывает что ей недостаточно вены.  
Слишком тесно внутри. И она идет горлом.

она идет горлом  
напором  
на полном  
и порван  
но снова завязан  
комоч белых связей  
а первая фраза  
Мос море прекрасно

Твое море прекрасно - оно непрерывно бормочет,  
целлофановый пляж после шторма в два раза грязнее,  
перегарный тоннель и за глянцевого вывеской "Сочи"  
все настолько не кстати, что может быть только  
спасением.

Телефонный гудок пароходный - мгновения мчатся -  
утекают в песок посукудным тарифом - не боле,  
все настолько прозрачно за глянцевого  
вывеской "счастье",  
слюдяно, ледяно, многолюдно, что может  
быть морем.

И что может быть проще, капризнее и тяжелее,  
зеленой винограда увитых балконных решеток,  
убедительней пены на сбитых о камни коленях,  
но нежнее и тише, чем этот

нон-стоповский шепот?

И впустить его внутрь бирюзовой  
пиратской наколкой,  
и носить на груди, и, как плесер, без усталости слушать,  
что за выцветшим лейблом мосей  
полияной футболки  
все настолько солено, что больше  
не может быть сушей.

А тот говорит ему: Ксанф, выпей море! И  
опускает руки.

И ласково смотрит, что будет дальше, и  
трогает воду руками:  
а если ты хочешь со мною поспорить, свидетели -  
мои друзья!

Бросает кольцо и садиться важно на влажный  
берцовый камень.

Но Ксанф повернулся спиной и уходит не силах  
ни с кем скандалить.

и солнце берет его рыжая грива в свидетели и на поруки,  
и медленно тают в горячем приборе следы от его сандалий,  
и я говорю себе: Нат, выпей пива, и опускаю руки.

Я вымерзла. И пиво не берет,  
да в общем-то смешно - согреться пивом,  
и ожидать от здешних луж отлива,  
и понимать, что скоро прорастет  
ячмень сквозь губ сиреневую мякоть  
смешным зеленым, и не то чтоб плакать,  
а так - замысловатые снежинки  
на паутине глаз копить в углах,  
что некому сейчас сказать: скажи мне!  
Что некого подергать за рукав.

Снег бутафорный - он сделан из рисовых хлопьев.  
ты не запомнил, да и к чему бы запомнить?  
Ты заполняешь собою обложки семейных альбомов,  
ты заполняешь собою пространство, что между обложек  
Ту пустоту - от коврового пола до люстры -  
снег заколдован, скрипит под ногами как мясли,  
но онемевшим стеклом ты не чувствуешь хруста  
снега костяшек, фисташек и заспанных музык.  
Ты не уверен, что прав. Ты уверен, что болен.  
Белым травя обращается в прах с первым боем  
старых часов, и внезапно слабеет ток крови.  
Ты не запомнил - к чему бы? Ты так и не понял.  
Ты как картонный, ты длинным ногтем нарисован  
на обороте стекла. Ты всего лишь заплатка.  
Хочется плакать, прошив на снегу невесомом  
нитку следов, точно тонкую птичью лапу.

**ПРЕКРАСНАЯ ДЕВУШКА ГРИФЕЛЕМ ТОНКИМ**

прекрасная девушка грифелем тонким  
мне рыбий скелетик напишет  
на левой ключице  
мешается кровь со слезою  
под стеблем от гелевой ручки и хною сочится  
в отверстие сквозное

потом я однусь

(на скорую руку заклею остатками скотча  
сердечные раны)

до скорого, что ли? (и ночи)  
кивок на прощанье под листьев из крана  
кап-кан-ы  
как двор проходной (кому на...?)  
коммунальная ванна

оставить:

москву зимовать,  
опять 25,

и на память в диване мой оттиск -  
прокрустово ложе -  
что было бы легче сверять  
со мною - других,  
а чтоб не было грустно  
(разбитое, ты - не боли!)  
морозного воздуха на пол-укуса,  
как уксус - по вкусу! -  
немного того, что внутри.

и—и—И

капустного снежного хруста земли.

уходящей в каток,  
из-под ног

насквозь ярославский промок  
промокашка  
и крылья мои отсырели  
неважно  
и выхода нет  
переход закрывается в час  
не легче - час от часу -  
к ночи - от ночи  
(купить сигарет!)  
электронная почта  
загонит почтовых - туда, где метели,  
(купить сигарет!!)  
и слова отсырели  
(а мордочки рыбки в ключицу стучатся)  
лохматый билет  
и уехать на север  
до первого повода не возвращаться



**КАКЧИБИС**

(продащица как чибис  
- *пожалуйста, чипсы!*)  
неделя с начинкой  
моего возвращенья  
на нашу окраину  
холодный и раненый  
ты - как раньше - все правильно  
"Из какого там рая?  
и опять за моря?  
- а я?"  
(киоск на отшибе)  
- *я наверно ошиблась*  
безбожно фальшивлю  
(- *сдачи не надо!*)  
даже это не правда  
шелуха шоколада  
и зима в нашем царстве  
где сникерсы-марсы  
оппадают к ногам  
"Может хватит мотаться?"  
- *ага..*

**КАЖЕТСЯ**

кажется, можно уехать куда-то -  
сгореть и согреть города  
в вязанных пальцах перчаток-бушлатов -  
да

кровь на губах (молоке!)  
превращается в мед  
разговоров в у е  
в стрекотинный полет  
сотовый мед...  
осени медь  
кажется, можно бежать от побед,  
от побед уставать,  
этими бы устами...  
да

нет

таких мест куда...

кажется, я - вода  
Аничкова моста,  
не присылай мне "да",  
промокшее вдоль листа  
осиново-  
го гнезда  
приветы,  
не присылай мне и "нет", и  
до скорого - поезда! -  
свида...

можно смотреться в луну  
плонуть в нс и повить  
в гранитной граненом Невы  
рукаве  
(стакане")  
пока не...

можно сказать, её - две,  
можно послать все на...

небо (как небо -  
еще бы!)  
арбузного цвета  
знаков приоритета

где ты?

я уступаю дорогу:  
ступай

P.S. Эти бы - мне уста...

**умЕНЯвОрТУшЕРСТЬ**

Я.Д.

Кофе мутный, и зубы желтеют  
чуть медленней, чем рафинада  
ледовитый кусочек на утреннем  
бежевом блюде.

но быстрее, чем листья  
кленовых ладоней. И раны.  
Вероятны: зима, ледники и слоновсе солнце,  
перезревшее в теле твоём и проросшее  
в землю упрямо -

в промежуток на идишь -  
от "снова живем" до наречия "мало".  
Вероятно, ты все-таки вымрешь,  
и похоже на то, что ты - мамонт  
или просто - скала...

Дни толпятся на дне циферблата,  
кувыркается "б"

и пульсирует стрелкой курсорной,  
вероятно, ты все-таки здесь,  
и из этого сора...

Под венозной курсивной прожилкой...  
Увы, иллюзорно...

В бесконечность брелком замыкается "б",  
а твой кофе - паршивый.

И похоже на то, что все плохо, но все-таки живы,  
и найдется, похоже на то, тот, кого перечесть.

У меня во рту шерсть.

В оформлении страницы использованы  
рисунки Надежды Черкасовой

**Александр Казначеев**

## В ПРЕДЕЛАХ ОДНОГО СТИХА

(Н.Сучкова, “Те, кто будут завтра...”)

Стихотворение засело во мне, живет своей жизнью, я в нем, его и своей. Делаем каждый свое дело, оно меня, я его. Простота его внешняя. Размер. Как будто традиционные образы. Читается на одном дыхании. Будто все только так... К нему бы вернуться, как к строчкам хита – разве что запомнить. Сосет под ложечкой от пророчества: “Те, кто будут завтра, будут одиноки, и несчастны тем, что были после нас”.

Сучкова видит шанс завтрашних, поэтому – “гордецами” (скорее от гордости, чем от гордыни). Максимализм юности, потребность воплощения: СТАТЬ, может быть, вопреки.

Совсем по-русски: высью, далью. В предельном смысле – “высь самая синяя”, “даль самая дальняя”. Традиционное усиление “дальняя даль”. Интересна замена пространственного определения на цветовой в “самой синей дали”.

Высь и даль – две составляющие русского фольклора, например “даль поднебесная”...

Смысл не затемнен. “Самая синяя высь” дается как минимум желания-возможности. Это развернуто мастерски, служебные слова при глаголах предельно экономны и точны: “Мы, конечно, тоже и могли бы сами... И хотели даже, только перестали...”

Старый образ птицы: птицы-крылья-птаха. Но “птицы были серы”. Цветовая характеристика поколения? Серый – слишком обыкновенный. А дальше взрывное “крылья рвали в клочья” и прямой выход автора в это пространство: “И была из них я самой малой птахой”. Отсылка к осложненному образу серых птиц, при этом “я” – самая малая. Соотнесение с самой синей высью – и через несколько ракурсов – с одиночеством тех, кто... были после нас”. Притягательна глубина загадочной концовки!

Еще одну устойчивость оживляет поэт – “раз на раз не приходится”.

**Тамара Сизова**

## В МОНТАЖНОЙ МАСТЕРСКОЙ

(Н.Сучкова, “Как чибис”)

Стих Наты Сучковой “Прекрасная девушка грифелем тонким”: метод параллельного монтажа как главный способ изложения. Можно слегка препарировать его и разделить сплетенные линии. Увидим, что в начале стиха написанное в скобках (на скорую руку заклею сердечные раны) и второе (разбитое ты не боли) – это большой процент откровенности, который раньше появлялся только в конце стиха. То есть кружить вокруг да около автор теперь не хочет, его снедает нетерпение чувств.

В конце стиха наоборот, речь, взятая в скобки, обозначает не состояние души, а второсте-

Н. Сучкова работает в языке на опасно коротком расстоянии. Под оболочкой традиционной образности – многомерность. Едва ли не каждый образ отсылает к предыдущим, к последующим, каждый образ слится остальными, усложняясь и определяясь в противопоставлениях, сближениях, разведениях, совпадениях (вплоть до сквозных “мы” и “те”)... При этом уникально богатство интонации. Его можно уловить даже в сближаемых стихах с вводным “конечно”:

“Мы добры, конечно, и не так уж плохи...”

“Мы, конечно, тоже... и могли бы сами...”

Это интонации исповеди в раме пророчества.

“Те, кто будут завтра, будут одиноки

И несчастны тем, что были после нас”. Головокружительная концовка. Концевая пауза первой строки – между связанными формально и по смыслу “одиноки” и “несчастны”. А мы не прочь – “...будут гордецами”, Впрочем, одно другого не отменяет.

Мало того, что эти “одиноки и несчастны” завершают одну строку и начинают другую. Ритмическая и интонационная паузы в последнем стихе не совпадают. К тому же: “Были после нас”! Акценты – будущее в форме прошедшего.

Приходится возвращаться к подстрочнику (равно – “страданья эти” – крылья рвали в клочья”). Сопоставляются наши сегодняшние и завтрашние страдания. Между оригиналами и равноценными оригиналам переводами – подсобность, вторичность подстрочника как невоплощенного в творении.

Между равноценным прошлым и завтрашним – недоиспользованные мы, ближайшее прошедшее. Но в нем не одно только минувшее. Вся толща человеческого духа. Затемненная, проясненная, возвышенная, заземленная. Без этого среза, без этого сплава – не пустыня ли безмолвная? Недоиспользованные поколения разъединяют “тех, кто будет завтра” и наследуемый мир... Впору начинать сначала читать оригинал.

Полет мысли – редкость в современной поэзии: рассудочные тексты, попытка оживляежа, одномерность... А Сучкову трудно понимать. Но заманчиво.

пенные детали (купить сигарет), делая нетерпение чувств явным, демонстрируя волнение. Общеизвестно, что когда человек волнуется, он часто застревает на пустяках, думает “не о том”.

Это второй план. А первый план – повествование о том, как хочется сделать тату, которое рисуют не грифелем, конечно, но грифелем рисуют эскиз. И героиня, согласная поставить на себе клеймо в виде рыбки, расписывается в покорности судьбе. Для нее рисующий эскиз и наносящий тату – один и тот же человек. Раз так будет – пусть будет. И даже если это больно, то пусть будет. И даже если это будет временно, кончится, придется уехать на промокший Ярославский вокзал, в последнюю минуту успевая на поезд, увозящий на север. Все равно нанесенные на ключицы рыбки (преувеличение) будут болеть и напоминать, скажем, о диване, где сохранен оттиск и тебя сравнят с другими.

Много находок в стихотворении. Это диван - про-

крустово ложе. Выхода нет – из метро, на самом деле из ситуации, где надо быстро решить. Мордочки рыбки в ключицы стучатся – любовь бьется в грудь. Морозный воздух обжигает как укус.

Такой образ создан поэтессой для очередной любовной истории. Образ интересный, усложненный параллельным монтажом словно трехстворчатым зеркалом. Метод хорош, если бы автор пользовалась им осторожно. А ведь в середине стиха есть такие уточнения в скобках, которые не создают второй слой, не обогащают смысл:

- до скорого, что-ли (и ночи) – до скорого свидания, до скорой ночи, просто красавица  
- как двор проходной коммунальная ванна (кому на...) – просто злость на общедоступное.

Все гармонично, эмоционально, вот только утроенное и-и-и, заполняющее очередную строку, выглядит пустым вызовом (не даю себе труда придумать слова). Впрочем, вызов стихам Сучковой присущ часто, здесь важно другое.

Раньше она говорила, искусно скрывая отдельные моменты, довольно доступным языком. Теперь мы видим искусственное усложнение языка, разбивку слов на слоги и буквы, взметнувшийся порыв, хаос, которые все путает. С одной стороны, монтаж усиливает выразительность стиха, а с другой, возникает опыт, ведущий к формальности: кап-кан-ы из крана (просто красавица), повторы – ярославский, и крылья, и слова, все так отсырело. И к финалу накал па-

дает и энергетика, столь сильная в начале, просто растворяется в последних строчках, сказанных почти безразлично.

“Кажется, можно уехать” – этот стих продолжает плюсы и минусы “Прекрасной девушки грифелем тонким”. Повторы даже буквальные, опять “до скорого свидания...” опять – “послать все на”. Вот уж любительница посылать, в самом деле. Неоправданный разрыв и распад слов: осиново-го гнезда. Не посылай мне “да” до самого поез-да”. Выть на луну, плюнуть в луну – это тоже где-то было. Если уж стих написан на ту же тему и в тот же день, надо подходить к повторам беспощадно. Они разбавляют вино стихотворения. И опять сильное начало и слабый конец, как будто не хватает дыхания. Прерывается это дыхание.

Талантливы образные сравнения – сгореть и согреть, осени медь. Кровь на губах от поцелуя превращается в сотовый мед разговора по сотовому телефону. Ярко сказано, виртуозно, опять же: уставать – и уста, уставать устами, звуковой рефрен сообщает глубину привычным словам. “В гранитном граненом Невы рукаве” как в зеркале отразилось еще и еще раз упрямство поэтессы Н. Сучковой. И здорово, и слишком перегружено. И надо бы искать меру, но где она, эта мера? Пока будешь искать, вдохновение улетит...

## Вадим Блинов

### ПЕСЧИНКА, КАНУВШАЯ В ЛЕТУ

Что есть Лета Югай среди нас?

Вологда литературная – нет истинных звезд на этой помойке. Любое творение зачернено в той или иной степени идиологией потребления. Но среди криков суеты, дыма и гари вдруг почудился нежный запах чего-то чистого. Очень слабая струйка, слишком прозрачное цветение, еле слышимый голосок. Но вся помойка внимательно вцепилась взглядом в Лету Югай. Она еще слишком молода, она еще ничего не говорит, она еще набирает вес. Но все замерло, как свиньи перед жемчугом. Такого еще не было. Это редкое явление. Маститые свиноматки и боровы заводили носом и наконец-то почувствовали, какой запах от них самих исходит. Все познается в сравнении. В сравнении с Летой Югай приятно познать себя.

За ее прозрачными стихами, за ее тихим голосом, за ее романтическими рисунками явно проглядывает яркий венец. Лета в будущем может стать своеобразной Жанной д'Арк вологодской литературы.

Нет смысла и информации в жемчуге. Но это драгоценность и она дорогого стоит.

Мистика ее стихов скрыта в подсознании. Страдая от боли, моллюск на дне морском из песчинки делает жемчужину. Я смело читаю стихи Леты. Они пока ни о чем. Они просто чистые, здоровые, вкусно пахнут, они пахнут настоящими цветами.

Прилавки наших книжных магазинов – это большая

гнусная помойка. И как хорошо, что среди всего этого мусора зацвел цветок – Лета Югай. Это не роза, не орхидея, это маленькая скромная незабудка или даже липа. Сможет ли она что-то изменить? В моем сердце она уже есть. И я приветствую этот талант и готов его оберегать. Благодарю Лету Югай за то, что она вызвала у меня рвотное чувство к самому себе. Такое рвотное чувство желаю испытать каждому. Ее стихи не вызывают недовольства или агрессии. Они призывают к тишине, спокойствию, к смирению, благодарности. Ее глаза чище моих, и видит она выше. Не мне о ней говорить. Все, что я знаю – это то, что она явление очень ценное. Сила ее стихов спрятана от глаз и действует невидимым образом. У нее вся жизнь впереди, она еще будет расти и крепнуть.

И она уже не принадлежит себе. Муза, как высший ювелир, из своих жемчужин собирает поэтическое ожерелье. И этим ожерельем в будущем, я думаю, будет гордиться вся Россия.

Рисунок Саши Канченко

## Сергей Фаустов НА ТЕРРИТОРИИ МЕЛОЧЕЙ

(Е. Хрусталева «Территория мелочей»)

Знакомство с творчеством Елены Хрусталевой у меня произошло после прочтения очень емкой, несмотря на миниформат, по структуре, композиции, содержанию, книги «Территория мелочей».

Разбивка на главы образовала ту самую территорию, которое создало пространство поэтического мира автора. Она не населяет эту территорию своими существами, своим миром, наоборот, она рассматривает - а что там есть? Кто там находится?

И главный интерес для нее представляют мельчайшие детали, как бы следуя испанской поговорке: «Дьявол (читай: поэзия) скрывается в деталях».

Даже небо над этой территорией автор редуцирует до понимания мелочи: «небо салом нависало», «небо в белых клочьях простокваши».

Книжка своей малоформатностью оправдывает на этой поэтической территории свое существование как некоей мелочи, абсорбирующей в себе талант Елены Хрусталевой. Я попытаюсь объяснить, в чем он заключается. Сейчас, когда я пишу эти строки, меня больше всего интересует не книга, а автор.

Елена Хрусталева в своих стихах не придумывает и не фантазирует, а ощущает, проявляет в стихах не начитанность свою, а обнаженность нервных окончаний, что ее, похоже, и поражает больше всего в самой себе. Она пишет стихи не для кого-то, а для себя, чтобы объяснить, прежде всего самой себе, что же это такое вокруг нее происходит. Поэтому чувствуется высокая требовательность к строке, стремление слова в строке крепко приладить друг к другу, чтобы не запутать читателя и не бросить его на авось понимания, а разъяснить себе, тогда будет понятно и другим. Для нее это очень важно, потому что ей есть что сказать.

И вот после этого она говорит - вот что я себе объяснила, смотрите. И она наверняка знает, что на вопрос к

читателю: правда интересно? - ответ будет утвердительным. «Строку корявую» она воспринимает как абсолютную неприемлемость, как орудие самоубийства поэта.

Формат данного отзыва не позволяет мне для доказательств своих выводов приводить примеры, обоснования, но, конечно же, они у меня есть. Точнее, они в книге есть. Также нет у меня возможности подробнее остановиться на биологизме, может быть, даже физиологии, в стихах Елены Хрусталевой.

То, что другие не замечают ни в себе, ни в других, для нее оказывается проблемой, например, «вдох - выдох». По этому поводу она разработала целую философию, построенную на категории неизбежности.

Для меня самыми философскими стихами Елены Хрусталевой являются: «не кровати - а троны» и «этот мир жил полминуты». Их невозможно не упомянуть, хоть и с риском быть обвиненным в банальности - стихи о пространстве и времени. Шары - миры и их обитатели, и всплеск - озарение, вспышка, мгновение, в которое уместилось существование целых миров.

Честно говоря, я себя сдерживаю, останавливаю. Мне ясно, и это понимание непосредственно извлекается из книги, что Елена Хрусталева - человек умный, остроумный, талантливый, смелый (не боится писать о мелочах, доказывая, что они и есть суть Вселенная), трудолюбивый, к тому же, судя по фотографиям в книге, красивая женщина.

Здесь тот случай, когда книга вторична, а первичен человек. Вот почему о книге писать много сегодня не хочется, но анализ ее творчества еще предстоит сделать. Похоже, что Елена Хрусталева создает поэтическое направление, какое, куда, еще неизвестно, но это и не так важно, поэт на взлете, но дух захватывает.

## Руфь Рафалович

### «САКЭ НАХЛЕБАВШИСЬ, ПОШЛИ САМУРАИ...»

Итак, мы почти\* дождались, наконец, “Трех самураев”, с избранными отрывками из коих читатель мог ознакомиться в предыдущей “Стрекозе”.

Вопреки мнению одного из самураев, картинки в книжке не настолько паршивые, чтобы отвратить читателя от текста. Классика все-таки, хоть и неизвестно чья. Что до заставок иероглифов, то по-японски у нас все равно никто не читает, а вид умный придадут.

“Единства в книге” нет, и - слава богу.

Что касается текстов, то что о них говорить, они говорят за себя сами. Позволим себе процитировать несколько (любимых нами) трехстиший:

*Гейши пошли постирать кимоно,  
Тут-то их всех и накрыло  
Мощной волною цунами... \**

*Сыра кусочек смакуя,  
Рассвет сквозь него созерцаю  
И хайку, икая, пишу...*

*Вновь в годовщину прощанья  
Корябаю письма друзьям,  
Мешая иврит с катаканой... \**

*У оружейника третьего дня  
Славный клинок приобрел:*

*Для хачанури хорош он и для харакири...*

Короче, прочитавший не пожалует.

Не менее замечательны примечания к книге и предисловие. Жаль только, что отсутствует содержание. Что бы выйти на определенного самурая, приходится ворошить всю книгу.

Еще одно занудское замечание: на русской почве самураям изменила-таки хваления японская вежливость, и не обошлись они без русского мата. Благодарные национальные традиции надо все же беречь.

Поздравим себя и трех самураев: С.Сиамакого, П. Сихоте-Алиньского и Н. Сионского и традиционно пожелаем им творческих успехов, новых изданий и больших тиражей.

\* Тираж книги полностью так и не вышел.

Вадим Блинов

## УДАРИТЬ КРОКОДИЛА ПО ЩЕКЕ



Открытое письмо  
руководителю ЛИТАРТели Ступени  
Г. А. Шекиной

*“Но кто ударит тебя в правую щеку твою,  
обрати к нему и другую”.*  
Евангелие от Матфея

В одном из уголков необъятного мира были дикие джунгли. И был в этих джунглях пруд писательский. И чего в нем только не водилось – рыбы, и мелочь всякая – пиявки, угри, кулики и даже бегемоты. И был на дворе год 2000!

И жила в те времена Галина Шекина, плавала она в этом пруду, как зеленая Тортилла, грузно пошевеливая своим хвостом. Ни с чем не сравнимым удовольствием для нее было лежать на желтом песочке, греясь в лучах экзотического солнца и любоваться, как сверкают поэтические зубки у ее маленьких зеленых крокодильчиков. Она была матерью-крокодилихой... Главным её занятием было выводить писателей и поэтов. И это у нее получалось хорошо! Со всеми она стремилась жить мирно и добрососедски. А если где-то и заглывала добычу покрупнее, то старалась делать это не на глазах, так, чтобы это было незаметно.

На светских сборищах и тусовках она прикидывалась милой плотвичкой и под мерное покачивание водорослей тоже любила пускать литературные пузыри.

И чтобы не дремал карась, водилась в том пруду и щука. И спросила как-то раз Галина Александровна у одного такого критика: как тебе, разлюбезный, мои литературные пузыри?! Ну, что может ответить щука крокодилу, пускающему пузыри и одетому шкуру плотвы? Конечно, все это мило, восхитительно, согрето теплом и добротой. Это вдохновение, это настоящий творческий порыв. Там, в вышине, но зеркальной глади пруда Ваше творчество преобразуется в восхитительные круги и выглядит при свете луны как россыпь серебряных монеток.

Галина Александровна, Вы - неиссякаемый генератор пузырей.

Но в историю войдете как плодovitая мать поэтов.

В каждом из нас есть частица Вашей души. В каждом нашем пусть даже маленьком успехе заложен и Ваш труд. И любое наше достижение по заслугам принадлежит в определенной мере и Вам.

Но, как любая медаль имеет две стороны, так и в Вашем подвижничестве не все так гладко.

Если когда-нибудь от отчаяния или тоскуя по славе, Ваши крокодильчики начнут потрошить друг друга или перегрызут горло кому-то на стороне, то в таком поведении явно скажется Ваше крокодильское воспитание.

На теплом песочке, под жарким солнцем, питаясь живой калорийной пищей, хищники растут как на дрожжах. Быстро грубеет кожа, вытягиваются когти, зубы разрастаются до внушительных размеров. Если постараться, за несколько лет можно набрать нужный вес, приобрести самодовольный вид и научиться прикидываться ветошью. И все бы ничего. И можно вроде бы согласиться стать в писательском пруду поэтом-крокодиллом. Но только вот незадача.

Известно, что водятся в джунглях такие существа, которые называются люди. Они обладают множеством достоинств и кроме всего прочего правом сдирать с крокодилов шкуру. Родительское сердце не может не болеть за своих детей.

И конечно, Г. А. Шекина задумывается над судьбой выпускаемых ею в мир поэтов. А я верю, что у нее есть все, чтобы преобразиться в “матерь человеков”...

*P.S. Эссе “Матерь крокодилов” - единое законченное произведение. Оно сплзшло единым цельным куском. Изменение какой-либо нотки может вызвать общую дисгармонию. Прошу допустить в печать без изменений.*

Автор.

## Консультация

- Здравствуйте, я по поводу "обучения психоаналитическому консультированию", - прочитала я в телефонную трубку фразу из объявления.

- Да, конечно. Занятия у нас начинаются в сентябре. Оплата - 80 долларов в месяц на очном и 70 - на вечернем. Срок обучения - два года. Выдается диплом, а после первого года - сертификат.

- Спасибо, - вежливо ответила я, приготовившись положить трубку. Но женщина на том конце провода меня опередила. - Вы знаете, в субботу у нас - ознакомительное занятие. Стоит всего 50 рублей, но с вами будут заниматься по той методике, что и впоследствии, к тому же в течение трех-четырех часов.

Это предложение мне понравилось больше. Профессия психоаналитика меня интересовала давно, но не складывалось ей поучиться. Впрочем, непонятно почему и без диплома я всегда оказывалась в роли консультанта по душевным проблемам для друзей, знакомых и даже малознакомых, но вот денег мне никто за это не платил, а работа, надо сказать, не из легких - все выслушать, во всем разобраться, да еще и человека в чувство привести. Конечно, когда я увидела такое объявление в газете, особенно серьезных намерений у меня не появилось, скорее, мною двигало любопытство.

- Спасибо, я обязательно приду.

- Подходите, пожалуйста.

Мы уточнили адрес и любезно распрощались.

В субботу ровно без пяти два я подошла к большому жилому дому на одной из линий Васильевского острова. На лестнице ужасно воняло, как обычно в старых домах, но офис в бывшей коммуналке был уютным и прекрасно отремонтированным.

Когда за мной закрылась навороченная дверь, из дальнего кабинета выглянула приветливая женщина и пригласила меня туда. Я вошла, ожидая увидеть толпу будущих психоаналитиков, но их не было. Усевшись напротив женщины, я заплатила деньги и начала листать программу, которая мне показалась очень интересной и основательной.

Там были основы теории психосинтеза, архетипы и символы, работа с "внутренним ребенком" и анализ ранних воспоминаний, виды психологической защиты, работа со сновидениями и фантазиями, телесно-ориентированное консультирование и использование ритуалов при консультировании, ролевые игры и психодрама... Мне уже захотелось здесь учиться и я стала думать, где взять деньги.

В комнату вошла женщина с резким и недовольным взглядом. Я подумала, что она тоже учиться, но дама лишь взяла ключ и пошла в другой кабинет. "Что ж она на меня с такой злобой посмотрела? Ничего себе психоаналитик", - отметила я, но не стала акцентировать на этом внимание, потому что была настроена очень благодушно.

Еще я надеялась, что кто-то подойдет с опозданием минут на пять-десять, но никого не было.

- Вы не волнуйтесь, - сказала моя собеседница. - С вами все равно позанимаются. Сейчас сам директор подойдет.

- Хорошо.

В два пятнадцать в комнату вошел мужчина крепкого телосложения с орлиным носом и цепким взглядом и предложил мне пойти с ним.

По дороге в зал мы посмотрели яркие стенды,

на которых были написаны названия разных тренингов и семинаров. Потом вошли туда, где должны были проходить занятия. В большой комнате по кругу стояли стулья, на них - папки с листами бумаги. Что-то неприятно екнуло у меня в груди - обстановка напомнила "тренинги", которые проводил один мой знакомый - человек остапендеровского толка, талантливый мистификатор и манипулятор, к тому же совсем никакой не психолог, а бывший военный. Человек он был необыкновенный, потому что мог внушить людям что угодно. Меня он несколько побаивался и ничего не внушал. Вспомнилось тогдашнее ощущение внутренней пустоты, наступившее после многочасовой говорильни, и недоумение - зачем он за это берется и что же это за "тренинг"?

К тренингам я себя не готовила, просто хотела узнать, чему и как здесь учат. Впрочем, у меня хватило ума не выразить недовольство и успокоиться: никто не будет здесь меня насильно консультировать, за 50-то рублей. Тем более ролевой игры не получится без народа. Я спокойно уселась на стул и приготовилась слушать директора.

Он начал рассказывать о программе обучения, а сам пытливо в меня всматривался, пытаясь догадаться, что меня сюда привело и чем меня можно зацепить почувствительнее.

- Занятия будут проходить в такой форме, чтобы потом вы уже смогли работать с другими. Придется делать некоторые подготовительные упражнения, например, перед занятием по сновидениям дается задание некоторое время записывать то, что вам снилось. Теория в том смысле, как ее преподают на факультетах психологии, мы вам давать не будем. У нас другой принцип - если там дается научное определение, а под него уже подгоняется практика, то у нас вы сами будете пытаться найти формулировку, и только в конце занятия ее получите.

- А вы занимаетесь по Фрейду? - спросила я.

- Нет, - он сказал несколько неслучайных слов в адрес Фрейда. - За основу мы взяли работу Юнга и трех его учеников, и вообще мы все прошли обучение у англичан, очень старых англичан... - и он многозначительно на меня посмотрел, чтобы я представила себе фундаментальность их подготовки и подумала, что эти английские старики учились еще у самого Юнга. - Правда, нас здесь осталось немного, в этом... м-м-м...бизнесе, многие перешли в другой бизнес, но вообще у нас лучшая школа в городе, на самом деле.

Я уважительно кивала. Потом решила деликатно переничать и спросила:

- А вот у вас на стендах я заметила только женские фамилии. В вашем центре только женщины занимаются?

Директор сделал вид, что не понимает подкола и стал отвечать еще более убеждающе:

- Вы знаете, профессия психолога - она скорее женская. Она требует некоторой чувствительности, сострадания... Ведь многих мужчин спрашиваешь: "что вы чувствуете?", а они отвечают: "я думаю!". Им интересно только продавать "Мерседесы" или компьютеры, а не копаться в душе. А в нашей профессии нужно умение со-страдать. Само слово "страдать" ведь происходит от древнеславянского "страда", что значит "работа", то есть психолог страдает вместе со своим пациентом. У нас даже были случаи, когда консультанты плакали вместе с теми, кого консультировали! Кстати, несколько мужчин у нас все-таки занимаются.

Я тщательно пыталась ничего не выражать взглядом, хотя для меня какая-то картина начала вырисовываться.

- А где работают ваши выпускники?

- Многие не работают вообще. Но в последние годы тех, кто начинает практику, становится все больше. Если раньше их было процентов пятнадцать, то сейчас - где-то двадцать пять. Наверно, люди поняли, что если они вложили деньги в образование, то их потом надо отрабатывать... Кстати, у нас учатся такие, которым совершенно все равно, сколько платить - 100 долларов или 500. Просто занимаются...

Я представила этих скучающих или, наоборот, страдающих домохозяек - жен продавцов "Мерседесов" и компьютеров, копающихся в своих детских комплексах, снах и отношениях с мужьями, и мне почти расхотелось здесь учиться.

- А на занятиях у вас, значит, все проходит как на настоящей консультации? Люди рассказывают у своих проблемах...

- Нет, нет, у вас расхожее заблуждение. - Дальше он как-то путано стал объяснять, как именно проходят занятия, а потом добавил, что поскольку речь идет о душе, то к каждому обучающемуся представлен опытный супервайзер, чтобы в процессе занятий с тем ничего не случилось и чтобы каждый шаг по изучению собственной личности был под контролем. И пока будущий психоаналитик своих собственных проблем не решит, к пациентам он допущен не будет.

Супервайзер меня слегка напряг. Запахло гербалайфом и другим сетевым маркетингом.

А директор продолжал рассказ, попутно пытаясь "раскопать", что у меня может "болеть" и какова же моя мотивация прихода на курсы. Интерес к самой профессии он во внимание не принимал.

- Например, вы рисуете свои взаимоотношения с мужем на бумаге. А дальше уже специалист начинает их по рисунку анализировать. Рисунки бывают разные, но в любом случае получается, что вы уже отстранились от своей проблемы, отделили ее от себя. Кстати, вы замужем?

- Да, - ответила я, не "защепившись" за эту провокацию.

- Бывает, что женщины приходят с обидой на своих мужей. И мы пытаемся эту обиду устранить. Заменить ее на любовь.

Запахло практикой биоэнергетиков, а не психологией, хотя само утверждение безусловно было правильным... Наверно, какой-то мускул на моем лице нервно дрогнул, так что директор плавно перешел на другое, говоря, что он меня (имелось в виду любого консультантуемого) не может знать, он может только догадываться, что я из себя представляю. Слово "догадываться" он особо подчеркнул, давая понять, что насквозь меня видит. Потом добавил:

- Ведь только вы себя хорошо знаете.

Я подумала:

- Вообще-то и я себя хорошо не знаю, - но не стала ему возражать, а только кивнула.

- А что вас сюда привело? - наконец спросил он в лоб, решив услышать мою собственную версию, чтобы проверить свои догадки.

- Меня интересует сама профессия психоаналитика, я хотела бы, может быть, работать по этой специальности...

Директор сделал вид, что его удовлетворило мое объяснение и перешел к делу. Он начал убеждать меня в том, что решение об учебе нужно принимать как можно быстрее, потому что ближе к сентябрю цена поднимется, что оплата помесечная (а это очень удобно, дескать, надоело ходить - взяли и бросили). В общем, стал брать быка за рога. Потом стал рассказывать про выездные тренинги на свежем воздухе, за городом, про трехдневные семинары, которые проводят "высококласнейшие" специалисты... Скорей всего, он понял, что не очень-то меня убедил. Потом выложил козырь.

- Вам деньги за этот семинар сейчас вернут. Мы вообще-то плату берем только для того, чтобы к нам философствующие шизики не ходили. А то, знаете, таких сейчас много - позвонят по телефону, а как узнают, что надо платить, то и не приходят...

- Но сегодня почему-то никто не пришел вообще...

- Просто уже лето начинается, народ расслабился.

Он пожаловался на то, что люди сейчас все очень закрытые, и их трудно вывести на тот настрой, который нужен для работы. Наверно, это был камешек и в мой огород, потому что мне совершенно не хотелось, чтобы кто-то лез ко мне в душу.

Еще поугваривав меня не думать долго, а принять решение сразу, он закончил беседу. Уже в дверях он неожиданно меня спросил:

- А вы сейчас не работаете?

Наверно, было во мне что-то созерцательное (хотя это - мое врожденное качество), и он решил проверить свою догадливость. Чтобы поддержать его веру в самого себя, я ответила:

- Да, не работаю, пишу диссертацию. - На самом деле моя диссертация давно превратилась в затяжную хроническую болезнь, если не в фантом, и я вот уже много лет оправдывала себя отсутствием времени и работой, чтобы только ее не писать.

- И на какую тему?

- Про театр, - абстрактно ответила я, чтобы закончить разговор обо мне и чтобы он не стал выяснять, продаст ли мой муж "Мерседес".

Тут он заставил меня вернуться.

- Если вы пишете про театр, то вам будет очень интересен вот этот семинар. - И он подвел меня к объявлению на стенде про "Театр моей жизни", на котором должно быть просто страшно интересно. И



Рисунок Майи Манукелашвили

к теме, дескать, моей близко, и вообще, люди так там раскрываются!

Впрочем, от темы, скорей всего, было далеко, а степень отдаленности мне проверять явно не хотелось. А просто знания, меня интересующие, здесь не предлагали, только в контексте чего-то другого, очевидно, работы над душой. Но почему-то доверять свою душу или самому директору, или той женщине со злым взглядом я бы не стала: и он, и она показались мне мелковаты и грубоваты для занятия с моей душой. Впрочем, все это я сформулировала потом, а в тот момент просто сказала:

- Да, да, спасибо большое, - и удалилась.

На следующий день я отправилась за город, прихватив с собой книжку сомнительного американского психолога (или даже философа) со странным названием "Безумная мудрость". В ней автор излагал свою несколько вольную теорию о мудрости шутов, святых, дзенских учителей, сумасшедших поэтов и художников, ученых... В общем, когда я открыла книгу в электричке, то с первых же слов поняла, что это бред, но стала читать, потому что было интересно, как такой маразм можно оформить в целую теорию и продавать его даже на других языках под видом практической психологии. Здоровые мысли там тоже присутствовали, особенно в виде цитат.

Вскоре я почувствовала на себе пристальный взгляд. Напротив сидел интересной наружности мужчина с довольно выразительным лицом, с седыми волосами, завязанными в длинный хвост. Ему было к пятидесяти, но он казался моложе своих лет. Более энергичным и вообще не определяющимся возрастом. Поражали неестественно светлые глаза, которыми он и буравил то меня, то обложку книги. Я не стала отводить взгляд, и выдержала его цепкое всматривание без единого движения век.

Потом он убежал курить, а вернувшись, продолжил сеанс.

- Можно полюбопытствовать, что за книгу вы читаете? - спросил он, буравя меня глазами.

- Да, пожалуйста, - сказала я, вручая ему книгу, - только, по-моему, полная ерунда.

- А зачем вы ее читаете?

- Просто так.

- Просто так ничего не бывает, - резко заявил он. - И то, что мы с вами здесь оказались, совсем не случайно.

- Может быть.

- А зачем вы купили такую книгу?

- Я не покупала, мне ее подарили, - соврала я. Какое ему дело, что я читаю? Экий заботливый. Тоже что ли о моей душе решил побеспокоиться?

Его лицо выражало недовольство моими словами. Недовольство еще больше усилилось, и даже перешло в гнев, когда он прочел несколько предложений.

- Как он смеет такое писать о великих людях? Называть дураками Ганди и Будду?

Я пожалала плечами.

- Я же вас предупредила, что книга - ерунда.

- Я нашел здесь ответ на один из своих вопросов.

- Ну, значит, не такая уж она плохая, если кому-то пригодилась.

- Правда, я между строк эти ответы нашел.

Мне оставалось только опять пожалать плечами.

Сосед не унимался. Он опять впился в меня своими прозрачными очами и тоном следователя

спросил:

- А кто вы по профессии?

- Доярка, - не задумавшись ни на секунду, ответила я.

Почему я должна ему еще и о своей профессии рассказывать?

- Вы врете.

- Да нет, почему же.

- Доярки таких книжек не читают.

- Но ведь вы же сами сказали, что плохая книжка, значит, по-вашему, для доярок в самый раз. Наверно, вы тоже книги пишете, - перешла я в наступление.

- Вот еще. Зачем?

- Ну, например, для того, чтобы люди на другом конце света прочитали, так же как вы этого американца, чтобы нашли ответы на свои вопросы...

- А мне не нужно ничего писать. Меня и так знают, без книги. И звонят отовсюду. Вот вчера молодой человек из Америки звонил, чтобы только меня послушать, а на днях - из Швеции.

Он думал, что перечисление загранич и рассказ о его всемирной известности меня потрясет, но все это, напротив, вызвало у меня приступ ехидства.

- А-а! Так вы психоаналитическим консультированием занимаетесь?

- Нет, это очень мелко.

- Ну тогда не иначе как кармические причины смотрите?

- Это пошло.

- Значит, с космосом общаетесь...

Тут он ответил каким-то невнятным междометием.

Больше я не стала его расспрашивать - мне было уже совсем неинтересно. Я просто смотрела в окно, потому что и книга, и мужчина мне нравились все меньше и меньше.

Он опять сбежал покурить и начал допекать меня с новой силой.

- Неужели вы в самом деле считаете, что мы с вами тут оказались случайно?

- Считаю.

- А как насчет того, что подобное притягивается подобным?

- Я уже слышала такую фразу.

- Можно и слышать, да не понимать.

- Наверно.

Он тараторил на меня будто экзаменатор, желающий во что бы то ни стало завалить нерадивую студентку-прогульщицу.

- У вас есть хобби? Такое, которое вы бы очень любили?

- Да, конечно.

- Какое?

- Коров доить. - Я подумала, что если он не дурак, то должен посмотреть на мои руки, хотя бы ради интереса. Но он посмотрел в окно.

- Вообще-то это здорово, работать с животными. Они такие милые, добрые, чуткие. Вот моя кошка. Вчера она меня не пускала туда, где мне должны были сделать очень больно, а я переступил через нее и пошел. Зато потом как она меня жалела, все ластилась ко мне, улеглась на меня, чтобы снять все плохое.

Тут мне и вовсе стало смешно. Такую "эзотерику" я уже не могла воспринимать.

- Терпеть не могу животных, - заявила я ему, чтобы прервать его романтические излияния. - Ни кошек, ни собак.

- А как же вы коров доите?

- Так.

- Значит, вы нелюбимым делом все-таки занимаетесь.

- Значит, так.

Разговор был предельно исчерпан.

Мы замолчали, а, выйдя на одной станции, спокойно отправились в разные стороны. Но неприятный осадок у меня (не знаю, как у него) остался надолго.

И вдруг меня осенило: если этот мужчина притянулся ко мне после посещения центра психоаналитического консультирования, то... Я достала из сумки рекламные проспекты, которые мне выдали на Васильевском, и прочитала темы выездных семинаров: "Прыжок к сущности "Я", "Становление воина", "Остров Тональ", "Перепросмотр"... Затем наткнулась на "хелистический массаж", быстро позволяющий консультанту понять и услышать то, о чем и как говорит тело пациента. Потом увидела такие темы: "Психолог как продавец своих услуг", "Страна удовольствий" (как разбудить в себе гедониста), "Успешные телефонные переговоры"... Все рекламки были вдоль и поперек

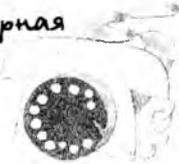
исписаны словами "тренинг" и "бизнес". От них веяло плохо скрытым коммерческим духом. А Юнга с учениками уж просто для солидности, наверно, привязали. Конечно, и это все было неплохо, весьма занятно и, наверно, кому-то даже полезно. А уж от скуки помогало на все сто. Да и бедным психологам надо как-то выживать, продавая свои услуги, а не "Мерседесы" и не носки на рынке. К тому же есть желающие услуги эти купить... Одно из проявлений безумия нашего механистичного общества, давно и прочно забывшего, что такое душа.

Тут я и распрощалась со своей мечтой стать психоаналитиком. Зато приняла решение обстоятельно прочитать и Юнга, и его учеников. В спокойной обстановке, когда в душу лезть никто не будет. А друзей я и так проконсультирую.

## Ощущение среды

(Антон Черный, "Мёд")

Литературная  
ЖЕРТВИЩА



но не той что идет после вторника, а той, частью которой мы являемся... И часто это даже не среда, а ее мелкий элемент:

- окно (в нем ждут, курят, смотрят, даже плюют, а оно имеет молчаливый характер с легкой кривизной стеклом!)
- или холодильник, который может стать собеседником, дверцу раззявив приветно, угостить ледяной водой (всем, что у него есть) и которому можно пожать руку ручки,
- или телефон, который как мог звал лиргероя\* на помощь, но не дождавшись умер грустно,
- или письмом, которое решало чью-то судьбу, может не только лиргероя - и его за это жгли,
- или патефоном, который летя из окна, получил по башне другим патефоном
- или желтым листом, напоминающем птицу и напоминающем о скором течении смертной жизни...

Всякий раз, когда Черный становится предметом (или говорит предметным, или, наверно, предметным языком) среда шевелится и оживает, становится адски интересно и загадочно. А мы-то думаем, мы одни мыслим и существуем.

Это нормально для творца, и хотя автор эту божественную связь понимает, все-таки принимает миссию без пафоса, и как обычно шутит:

*"да нет шучу все блажь моя  
Я просто камень у ручья,  
преосвятейшая семья -  
Отец, Сын, Я..."*

Лиргероем у него стал даже пульс, уж чего казалось бы банальней, даже не пульс, а температура, которая ощутима в особых условиях и с особым инструментом! Хитрый автор заставляет почувствовать то, что невозможно почувствовать. Были люди, которые понимали язык птиц. Антон Черный понимает язык предметов. Причем такое состояние автору было свойственно не всегда. Стихи периода 1999 года тоскливы, как жижа новостроек. Чуть позже началось "навеснение", которое и вскипятило кровь нашего летописца. О характере, о влиянии "навеснения" говорит такая строка:

*"чтоб никаких почти, чтоб только весьма  
широко и повсеместно стало ало..."*

Если астрологи говорят - кармическое, то в приложении к Антону Черному можно сказать - его кармическое - Карменческое. Самый лучший стих этой книги. Когда это прочитаешь, то не остается никаких сомнений или вопросов, почему Антону жизнь медом показалась.

Правда, есть в этой бочке меда своя ложка дегтя - проза, которая если ее не размазывать, вошла бы в стих наподобие "Воссоздания". Но автор не ищет прямых путей (как обозначил это на обложке), он у нас пойдет по синусоиде. Пожелаем ему меда без примесей.

Тамара Сизова  
ЗАНУДА  
ЗАНУДА

\*ЛИРГЕРОЙ - тот, кто таскается кругом с лирой.

## ПРОСТУПОК СОДЭ

Женщина ходила или писала, а иногда, стоя перед оконным приемом, подолгу прижималась лицом к стеклу. Я привык видеть ее, я сроднился с ее существованием и считал его частью собственного. Почему не замечал ее раньше? О чем она пишет? Таинство человеческих откровений возбуждало мое воображение...

Я проник в комнату чрез приоткрытую дверь. С подоконника наблюдал, как хозяйка прощается с гостями: вот ее расцеловали подруги, галантно раскланялись мужья и компания удалилась. Темнело. Зябко поеживаясь, женщина смотрела уходящим вслед. От вида ее белеющей, одинокой фигурки меня охватило незнакомое досель чувство. Оно напоминало помесь грусти с желанием совершить что-то неестественно-благородное. Женщина вошла в подъезд, зацокали по лестнице ее каблочки... Сейчас я рассмотрю ее как никогда близко. Кажется, она очень стройна...

Она довольно молода, ей не больше тридцати четырех человеческих лет. Густые, слегка взлохмаченные, обесцвеченные волосы обрамляют овал лица. Глаза невыразительные серые, но взгляд живой, цепкий. Нос. Он кажется излишне громоздким, портит ее, но и привносит какое-то своеобразие, я бы сказал, таинственное очарование облику. Я мгновенно представил рисунок ее лица. Вот оно что! Аналогия со святым ликом.

Невидимый, я разглядывал ее, стоящую перед трюмо. Несколько минут она молчала, потом раздался всхлип и по ее щекам поползли темные огромные капли. Невероятно. Только что она выглядела безмятежно счастливой, какой притворяться невозможно. Что с ней? Умывалась она нервно, зло. С неистовой беспощадностью стирала пудру, помаду. Взглянув в зеркало, вымолвила: "Так-то..." Быстро и ловко убрала со стола и осмотрелась. Ничто больше не напоминало о недавнем веселом празднике. Приготовив постель, завела будильник, потушила свет. Но не легла, включила настольную лампу, сняла с полки толстую тетрадь и села к столу. Написала всего три строчки – по-видимому, этот процесс был ей сегодня не по силам. Когда она, свернувшись калачиком, уснула, я открыл тетрадь.

Я знаю, у людей подобные действия презируются и осуждаются. Но я не обязан следовать человеческим законам. Первая запись шестилетней давности. "Меня любят! Даже не верится. Саша, Сашенька! Я ждала тебя всю жизнь!" Дальше, судя по дате, перерыв в год.

Любовь! Это загадочное чувство! Единственное из человеческих чувств, не понятное нам. Излияния длинные, сумбурные. Драма. Саша, которому она так верила, которого так ждала, вернулся из армии и женился на другой. Жутко. Все остальное записано совсем недавно. Последние заметки меня заинтересовали.

12.05. Сегодня, не пойму почему, дышится легко. Глупые у меня все-таки подруги. Это их желание сбавить меня замуж. Противно. А он, оказывается, симпатичный. Надо же, год знаю человека, и только сегодня поняла, что он - симпатичный.

13.05. Господи, он каменный. За день – здравствуйте, до свидания, и все. Что случилось? Вчера смотрел так ласково. Сама, да и девчонки вообразили черт-то что.

14.05. У него погибла жена. Год работать рядом и не знать, что женат... был. Глупо, Надя, непростительно.

10.08. Четвертый месяц молчит. Четвертый месяц в черном. Обидно, но уважаю. Это не Саша. Поманили – и забыл все и всех.

12.08. А у него большой сын, лет пять. Встретила сегодня в центре. Чего он смутился? Мальчик на него не похож. У меня тоже мог быть ребенок. О чем я? Дура.

14.08. Опять встретила. Вне работы он намного приятнее. И не такой неприступный. Шутил, анекдот рассказал. Что я все о нем? Опять втюрилась? Ну, нет. С меня довольно Сашеньки.

22.08. Пригласила в гости. Заметила в окно, что идет с цветами, струсил, спряталась у соседки. Едва успела записку нацарапать, мол, прости, должна срочно уехать, увидимся в другой раз. Он топтался перед дверью нелепый, медвежковатый. Лицо его то краснело, то бледнело. Засунул букет в дверную ручку и ушел. А у меня жгло уши, щипало глаза.

23.08. Вот это выдержка. Я бы не смогла. Умеют же люди себя вести по умному. Первый не ступит теперь ни шага. Я это поняла. Что бы предпринять? Как подтолкнуть, не унижаясь? Мама, чем я занята? О чем думаю? Стыдно!

26.08. Ловко у меня получилось с театром. Один ноль в мою пользу. Сын у него в деревне. Он скучает.

5.09. Долго не писала. Как я счастлива! Целую неделю он жил здесь, в этой комнате. Целую неделю мы спали в одной кровати. Он спал, а я смотрела на него, спящего. Мне хотелось поцеловать его, приласкать. Мало меня жизнь была. Почему я так держусь за него? Девки говорят: куда он денется? В его положении лучшее – вцепиться в меня зубами и ногтями и жить. Я ему не верю? Боюсь, уйдет? Боюсь, выгоню? Все может быть, он такой обидчивый.

7.09. Господи. Как все сложно. Ну, кто меня тянул за язык? Могла бы промолчать. Мы сидели в беседке, а сын рядом катался на велосипеде. У меня вырвалось: "Никак не могу поверить, что это твой сын". Он улыбнулся: "Все мое время". "Понимаешь, - добавила я, - не могу почувствовать его родным. Он чужой! Ты мне муж, а он..." Он потемнел лицом, встал, ответил хрипло, не своим голосом: "Не все сразу".

9.09. Поганный день. Как белка в колесе. Испекла торт, сбегала на рынок, фруктов накупила. Старалась ради них. Больше ради мальчика, понравиться хотела. Все напрасно! Торту он даже не попробовал. Побили минут десять, запросился домой. Я ему не понравилась.

19.09. Десятый день не работает и я не знаю, что с ним. Идти к нему домой не позволяет гордость.

20.09. Почему долго тянула, почему не пошла сразу? Открыл дверь потный, растерялся. “Стираю, - говорит, - ты пока с сынишкой поразвлекайся, я сейчас”. Мальчик дома совершенно другой. Какой он милый, ласковый. Показал игрушки, книжками похвастал, сказку рассказал про курочку рябу. На прощание шепнул на ушко: “Тетьа Надя, приходи чаще, пап без тебя скучный”. Какая страшная детская наивность. Недетскость ужасающая.

21.09. Опять наглупила. Подруги провели наши отношения, заявили ко мне в кабинет, давай подкалывать. А Петр за столом напротив ведомость готовит, хмурится, молчи. Я возьми и ляпни: “Куда мне с дитем. У меня и помоложе, и не хвостатых много!” Я-то хотела, чтоб девки отстали, а он как подавился, как по голове его стукнули – всерьез принял. Подружки брезгливо на меня посмотрели, ушли, не попрощавшись. Что со мной творится? Как теперь с Петей разговаривать, объяснить как?

25.09. Напрасно я затевала этот праздник. Надеялась – знает про день рождения, зайдет хотя бы поздравить. Не зашел. Чувствовала, не придет без приглашения. Да, зря надеялась. Спать страшно. Сон одолевает, река и мы... И я у него в руках...

Я перелистнул последнюю страницу и задумался. Чем я могу помочь живой женщине? В этот миг я будто забыл, кто я и где. Сильным было желание действовать.

Я не одинок: призраки замков, привидения, домовые, лесовики, манила – да мало ли как называют нас люди. Мы произведение рода человеческого: нерожденные и умертвленные. Вечные и неприканные скитальцы. Нет нам пути ни в ад, ни в рай. Мы заполнили околоземное пространство. Мы система. Цивилизация. Уровень развития в тысячи раз выше человеческого, в силу того, что нам не нужно заботиться о насущном. Мы все похожи, но мы и разные, как все люди.

У нас жестокий закон. Случались разного рода происшествия, когда мой собрат из самых святых побуждений невольно содействовал катастрофе. Потому что закон гласит – не вмешивайся, покарает. Я помню Содэ. Ради спасения женщины, которая не захотела стать его матерью, Содэ обрел плоть. Он стал тем хирургом, который должен был оперировать. Катастрофы не случилось, он успел. Просто люди недоумевали – доктор только что резал и опять пришел, и снова требует готовить больную к операции. Потом все решили, что врач сошел с ума, а хирург думал, что больница с приветом. Потом все забылось.

Но не забылось для Содэ. Он себя погубил. Закон превратил его в барабашку и поместил в ненавистное для него место. Я видел, как бесился он, как летали по комнатам предметы. Я его преступником не считал, я ему сочувствовал. Но мне было жаль напуганных людей. Закон мне опротивел. Ах, Содэ, зачем ты своим бешенством давал повод радоваться для вершителей? Ах, Содэ...

Стоп. Я должен обрести плоть. На очень короткое время стать тем человеком, которого любит Надя.

Наде снится поле, отец, мать и она сама – маленькая девочка. Я смотрю этот сон вместе с Надей. Как он ей приятен. А вот и Петр – невысок, широкоплеч, глаза нежные, сочный рот. Понимаю.

Я встал перед зеркалом и, нарушая все законы природы, попытался увидеть там свое несуществующее отражение. Я напрягал все свои силы, весь разум – если не смогу отразиться, то останусь бесплотным, невидимым сгустком, податливой жертвой вершителей. Зеркало затуманилось и я... Вот он я, в новом качестве.

“Надя, Надя”, - звал я ее. Она открыла глаза и протянула мне руки. Это не входило в мой план, но она шептала: “Ты пришел. Милый, Петя...” Какая-то неподвластная разуму сила толкнула меня к ней в объятия...

Как хорошо и страшно быть человеком. Любимым человеком! Мне не хотелось расставаться с телом. Но это было не в моей воле. Оставшись, я обрел смерть Петра, Надю, и возможно, ребенка... Поэтому, когда она проснулась, то увидела пустую комнату.

Она потирала руками лоб, шептала что-то. Она не сойдет с ума, я знал, она найдет нужные Петру слова и, по крайней мере, три человека будут счастливыми. И, пред тем, как исчезнуть, я понял, что стал мудрее на целую жизнь.

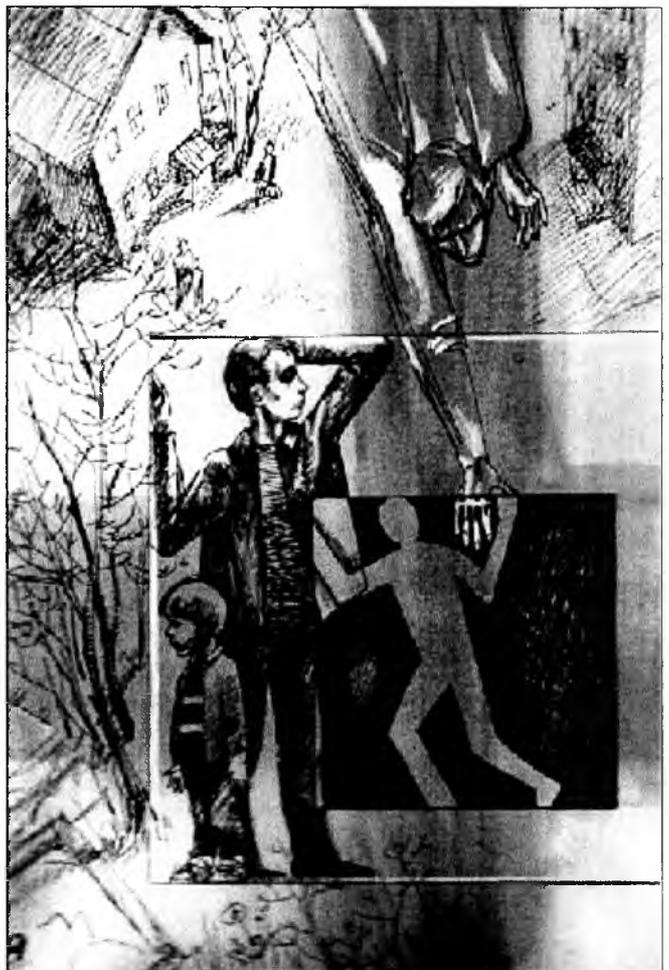


Рисунок Надежды Черкасовой

# ХОБА

Сколько просил, чтобы его назвали по имени. Оно ведь звучное - Максим. Или Макс. И отец понял первый:

- Ма-акс. Посмотри, сколько там уже нагорело.

Смотрел, говорил отцу. А иногда шел, открывал панельку и точно заранее знал, сколько нагорело. Потому что у него в нестриженной голове счетчик тоже был и там уже все было видно заранее. На остановке: автобус никак не идет, а Данька нервно говорит: "Опоздаем - сто пудов". А Макс прищурится так на поток машин и успокаивает:

- Спорим, сейчас придет восьмёра? Если в течение пяти минут придет, да ехать десять... Успеем.

Данька понимал, что это говорится просто так, для успокоения. Они ездили теперь в восьмую школу, они оба перешли туда, потому что школа сильная. А проблем стало, проблем... Потому что Макс середняк, а здесь учеников тестированием отбирали. Теперь встраивайся, как хочешь. По английшу огромные переводы, по общухе рефераты, по МХК вообще... Но тут подошла именно восьмёра и Макс щелкнул пальцами - "Хоба!" Он сам не понимал, как это у него получалось. И вбегая в раздевалку, успевая все сдать уже со звонком, он довольно бормотал "хоба!" И на физре тоже - перепрыгнет коня и - "хоба".

Вот и прозвали - Хоба. Сам виноват.

На информатике "Bombe-man", их тучный добрый преп, сказал:

- Господа! Все сосредоточились и сказали мне, кто не хочет включать комп и работать на уроке.

Ребята скромно помалкивали, у них комп не был членом семьи. Но Макс, который уже прошел некоторую информатику с отцом и сидел для мебели, тут же сказал свое вечное "Я".

- Почему, господин Хоботов?

- Потому что вирусная атака. Если у нас ни Доктора Вэба, ни Касперского, то...

- А откуда вы знаете?

- В новостях сказали, когда завтракал.

- Очхор, господин Хоботов. Вот мы и займемся сегодня вирусами. Или вы хотите писать программы?

- Не, не очень, - ответил Bombe-man "у нестройный разнобой класса.

Они уж было обрадовались, что не будет информатики. Но Bombe-man их просто провоцировал. Макс помнил такую детскую игру-взрывалку. Подложишь бомбу - а чудишу ничего, за стеной спрятался. А надо так подложить, чтобы чудишу каюк.

Данька до сих пор эту игру любит. Макс тут было увлекся Синдикатами, а Данька все взрывает. Причем приходит к Максиму и садится на целый день.

Макс ему:

- Да пойдем к ребятам, что дома париться!

Потому что комп - член семьи. Пообщался - и пошел дальше по делам.

А Данька:

- Ты иди, я посижу...

Очень умно. Макс начинает отсиживать, потом Макса начинает все бесить и он уходит, хлопнув дверью. Отец приходит - Данька сидит, взрывает. Получается - Макс плохой.

У Макса вечером свое время есть, два часа. Поиграть в Синдикат? Не получится завоевание - пулнуть настольной лампой. Он начинает выбирать себе оружие: пистол (быстро бегать), с минеганами - тяжело бегать даже с третьей ногой, винтовка, лазер, персвейдотрон (людей присваивать)... Бегут вражеские агенты, музыка тревожная. Отец морщится.

- Пап, ты никогда не играл в Синдикат?

- Играл.

И молчит. Отец у Макса работает конструктором в мебельном концерне, чертит на компе. Серьезная работка.

- Чего же ты морщишься?

- А так. Взяли программиста нового у нас. Так он, вместо того, чтоб программщиной заниматься, сидит и рубится в "Синдикат", "Лару Крофт". Да еще после работы - курит и рубится.

Макс молчит. Синдикат становится скучным. Внутри тоскливое чувство - реферат.

- Папа, что такое "социальные возможности человека"? - спрашивает Макс.

- Словарь посмотри.

- Да там... Мне б сообщение...

Папа в старых джинсах и свитере, вольготно живущий в кресле с бокалом чая и толстым романом, поднимает брови.

- Спроси у Яндексса.

- Да я не знаю как.

- Брось. Тебе уже двенадцать лет. Открывай поиск и пошел.

И Макс давай шарить. Биология, медицина. Химия, физика, труд. Ага! Пакты и свободы. Весь вспотел уже! А тут мама: "Долго я буду ждать? Идите быстрее ужинать, у меня сегодня бассейн".

- Пап, а пакты имеют отношение?

- А предмет какой? История?

- Да нет, общуха... Обществознание.

- Имеют. Быстрее копируй, а то нагорит мне тут по дневному трафику.

- Я сейчас... Вот, вот... Потом склею... И...

И нажал на печать.

-Хоба, - сказал отец, - реферации.

Он всегда так слова выворачивал.

Макс был человек медленный и не любил напрягаться. Но тут его прижало, и он был вынужден. А вдруг отец теперь думает про Макса, что он такой же дурак, как и тот, что рубится в "Лару Крофт"?

Когда они склонились над тарелками, мама с гордостью погладила их по загривкам. Макс подражал отцу и белесые нестриженные копны у обоих отросли уже до плеч.

- Ма-акс, - пропела мама, - не пора ли тебе...

- Нет, - сказал Макс, - нас не ругают за волосы.

У нас крутая школа. Наш Bombe-man ходит с вот таким хвостом.

- А за что ругают? - некстати спросила мама.

- Да ясно за что.

- У тебя сколько неудов?

- Два. - И очень пожалел о сказанном!
- Иван, ты слышишь? Помоги ребенку.
- В чем? Доесть его котлеты?
- Иван... - Мама - эмоционально сорвала фартук. Короткая стрижекка тут же встала дыбом. Глаза засверкали. Смешная
- Тебе объяснить, что такое кандидат? Его вышвырнут после первой же четверти.
- Могу под партой сидеть и подсказывать.
- Не паясничай.

И мама гордо пошла звонить подруге с ТВ и говорить, в какой тупик зашло образование. Говоря по телефону, она пристально смотрела в зеркальце, поправляла волосы и красила губы. Им все видно было в зеркало. Только зачем она красится, если в бассейне смыть?

- Хоба, - сказал отец. - Это феминизм.
- Чего?
- Это свобода срывания фартука. Какой предмет хуже всего?
- Инглиш.
- Ну что. Видимо, ты не хочешь поехать в английский город Ноттингем.
- А чего там хорошего? - Макс доел котлеты, сожалел о том, что их всего две.
- Там есть старинные замки, где можно отрываться. Я знаешь как учил? Куда ни гляну - сразу это и перевожу. Листья - желтые, да, еллоу. Боишься - ай эм дисмей...
- Папа никогда так много не говорил. - И потом - от компа научился. Поневоле приходится знать английский, программщина на нем...



Рисунки Майи Мамуклавили

- Пап, нам задают много тысяч переводить. В старой школе я мог спокойно записать твой перевод и пересказать по смыслу. А здесь требуют не учебник, а газету - Morning Star. Где ее продают?

- Ее у нас продают на почтамте. Раз в неделю с утра.

- Так я учусь с утра. Причем опаздываю.

Мама потрезвонила, прошуршала пакетами и ушла в бассейн. Мужчины остались один на один с проблемой. Папа с сожалением посмотрел на свое кресло, на роман, валявшийся лицом вниз. Его сын как будто не был тупым. Но эта новая школа, зачем все это? Милана Кундери дали на неделю. Но если мальчонка уцепится, он потом еще себя покажет. Ему надо уцепиться.

- Ма-акс. Ты картинку сканировал?

- Сто пудов.

- Теперь текст.

Они вместе сосканировали кусок из папиной английской книги. Что-то американское, про человека, растившего детей без матери. А еще у него был китаец, который готовил есть... Странный дядька Стейнбек. Включили переводчик, Мэджик Гуди. Плохо, но перевели. Отдельные слова оставались. Но если на двух страницах не хватает десятка слов, это еще не так ужасно. "Он меня не бросит, - догадался вдруг Макс. - Ему это очень даже влом, но он не бросит". И заторопился. Распечатывал прямо с пропусками!

- Ты не очень с этим гусем, - сказал папа, - не злоупотребляй. Это на пожарный случай.

Ночью Макс проснулся. Папу вызвала междугородка. Он сидел спиной и говорил, а за его плечом на компе была картинка: девушка сидит за компом и печатает. Сонный Макс прошел мимо на кухню, потом обратно. Девушка уже лежала на широкой кровати, завернувшись в одеяло. Макс ничего не понял и тоже завернулся в одеяло. Во сне ему приснилась эта комната... Обои на стене были в виде окна, а там не город в огнях, а спуск к озеру. Хотелось выйти. Хотелось походить по квартире...

Утром он про это спросил, а папа улыбнулся:

- Установили камеру. Круглые сутки камера ее показывает.

- Зачем? - ужаснулся Макс. - Она знаменитость?

- Нет, она просто журналистка.

- А когда ее нет?

- Когда нет, комната пустая. Адрес в моих закладках: нажмешь туда, где Pamela's room.

Макс побежал в школу. Даньки на остановке не было. Около школы он увидел препу по обществузнанию. И у него мелькнуло в голове - надо отдать. Вынул быстренько свой реферат и ей протянул. Та взглянула на него с улыбкой: "Я срочно уезжаю, Хоботов, но это тебе зачту".

"Хоба"! - слегка подпрыгнул Макс.

На английском произошла паника. Препра отменила самостоятельную и предложила после

опроса “побеседовать”. Макс очень не хотел, чтоб до него не дошли, все-таки фамилия в конце. Но их англичанка, гордая сухая миссис в джинсе обр- ратилась и к нему, имеет ли он... хобби.

- I like computer, - забормотал Макс.

- Du you like Games?

- Any years ago. I like Magic Goody now... A little...

Миссис Алина Петровна взяла его тетрадь и прочитала несколько предложений. А это же была вырезка компьютерной распечатки! Видно, что не он писал!

- It is not your hobby, Хоботов. Стейнбек is heavy rater...

И она посмотрела на Макса с улыбкой! Черт, она не считала, что позорно. Ну, не Карлсона же ему переводить! Алина Петровна сделала пометку в журнале и повторила, что ждет переводы из Morning Star от половины группы, но Хоботову она зачет в виде исключения, потому что уважает Стейнбека. И уважает самостоятельных людей.

Впервые за последние два месяца заносчивый гуманитарный класс посмотрел на Макса Хоботова с интересом. Да-а, тут не котировались драки в туалете и “динамки”, которые бьют током. Тут все не так, и девчонок почти двадцать человек, а пацанов всего десять. И никто не курит. Записка: “I

like Magic Goody too. E-mail...”

Вот это день! Жаль, Даньки не было в школе, а то бы стал свидетелем такого события! Бегом Макс примчался домой.

- Алло, Даня? Ты что в школе не был? Деньгу не сдал.

- Ни к чему, Хоба. Меня берут в старую школу, обратно. Двойки...

- Да забей ты, Данька. Мне отец подсказал одну штуку... И вообще, как я буду один?

- Ну, я буду приходить к тебе. В игры поиграем...

Макс сел в отцово кресло и понял, что его уже не бесит это “Хоба”. Он забил, это ерунда вообще. Жалко Даньку, с первого класса вместе. Тормоз, но друг.

Макс открыл гоом. Хоба, она здесь! Памела печатала на компе. Она не была красивой девушкой, нет. Очень короткая стрижка, а с висков оставлены длинные пряди, мама говорит, это стильно. Голову наклонила - лица не видно. Узкоглазая она, что ли? Пошла в сторону, курить. Свет падает ближе к подбородку, губы пухлые, пальцы длинные такие. Брюки смешные, из заплаток. Недолго покурила. При затяжке ужасно впалые щеки. Классная Памела! Надо написать ей об этом - по-английски. Ушла. Кошка сидит на кровати. Надо спросить, как зовут кошку.

Золотой век  
объявляется  
открытым

Павлинка не спала ночь. За окном летал снежок, курился дымом вокруг фонаря. Дочке Тине пришлось выдать последние деньги на обувь и она, купив хорошенькие квадратные, темно-желтые ботинки, ушла с подружкой их обмывать. Настала ночь. Пришел из гостей хитрый муж Павлинки и сказал, глядя на ее сгорбленную фигурку у окна:

- Это нормально! Пьет отец, пьет дочь. Когда дочь похожа на отца, это хорошо.

- А почему я не пью? - прошептала Павлинка.

- Потому что ты зомби. И не делаешь, что хочешь.

Получается - все хотят пить, и пьют, и это свобода, а то, что Павлинка не пьет - это несвобода. Ну, извините. Берите свою свободу, а я свою.

Павлинка легла на двух креслах и пыталась спать. Кто-то три раза звонил в дверь, и она думала - это дочка пришла, но напрасно. Там не было никого. Она, бессмысленно крестясь, стояла, думала, открывать или нет. Но помнила, что во время таких странных звонков в дом может проникнуть невидимое. И не открывала. Потом сильно закричали за окнами. Павлинка бросилась выглянуть в окно - там стояли люди из бара напротив, приличные с виду, и орал друг на друга по-английски. Ноги быстро замерзли на полу. Вся она замерзла.

Ой! Громко-то как. Это был звонок из автомата - Тина со смехом говорила, что вот, они сейчас съедят ащик мороженого и все, по домам. Павлинка неправильно оделась и в сапогах на босу

ногу побежала к почтамту, где стояло много телефонов-автоматов. Три или четыре девчонки давились смехом и мороженым на ледяном ветродуе. Увидев Павлинку, скислились и стали разбредаться. Тина цеплялась тонкими пальчиками за перила лестницы и говорила, что пойдет только в бар, именно сейчас, завтра в баре уже не будет того, кто ждет ее. Потом легла на лед и все, все, отстаньте от меня, сегодня уже католический Новый год...

- Люди! - слабо крикнула Павлинка. - Помогите!

Но редкие ночные люди только косились на нее. У нее было горе, у них была свобода от горя, вот так вот.

Потом бесконечная дорога, упирающаяся Тина, немой плач Павлины. И тишина комнаты, где только будильник тикает, укоряет... Ручки Тины, слишком маленькие, как лапки австралийского зверька, сложенные на груди с криво сдвинутой, непереодетой на ночь кофточкой. Бровки ее, вечно насупленные, разгладились и парили на высоком лбу. “Ты, царица Тинатин...”

Павлинка видела обрывки снов, но в каждом сне кто-то обижал ее, и она, торопясь убежать, проснуться, возвращалась в свою не менее грустную ночную действительность. Это был бытовой слой жизни, такой и никакой другой, он не менялся, он понемногу разрушал ее, отучая любить жизнь. И совсем другая жизнь была на работе.

Например, она на работе она в приемной копирует документы и видит в зеркале свои беспощадные круги под глазами. “Наверно, все видят”, - смущается она. В приемную входит менеджер Зимин. Он тоже

все видит и понимает улыбаются. Порывшись в папке, протягивает дискету.

- Слышала про вирусы? По сети так и сыплют. Не забудь установить защиту. И на английском всякий мусор сразу кляй. Выше нос, Павлина. Сегодня начался Золотой век! Не заметила?

Где ей заметить такое. "Поставьте на ваши компьютеры защиту от Си Кам, отмечена новая вирусная атака". Хорошо, поставим. Она поставила на свой компьютер то, что он просил – и вот она, смешная картинка с зонтиком. А на рабочем столе у нее "Ночные снайперы" сняты так здорово – вместо зонтика у них тарелка металлическая от ударной установки. Значит, у них такая защита. Не ладится жизнь, разные они очень, одна – культурная девочка со скрипкой, другая – пацанка хулиганская, полный магадан. Но есть музыка! Не та, от которой с ума сходят, а та, которая спасает. Большая и нежная, как романс номер четыре. Сквозь холодную печаль просвечивает улыбка.

Павлинка щелкнула на закладку и заглянула на сайт "Ночных снайперов". Здесь можно утонуть, так нравится. Сколько поклонников у них! А зайти на чат, где общаются фаны, как-то неудобно. Музыка... Где наушники? Нет наушников.

Подумайте, еще только атака идет, а у людей уже зонтик есть, защита. А она до сих пор не удосужилась себе зонтик купить. Правда, сейчас зима, но все-таки. Такая зима в душе, не передать.

Делая выборку компьютерных книг с разбросом цен, она листала разные сайты и задала в поиске Золотой век. Вместо выкладок и таблиц на сайте пошли рассуждения о вселенской любви. При чем здесь любовь? Толпились картины божественных братьев и сестер, сиреневые и огненные радужные фантазии, девы с очами, очи с лучами. Знаем, знаем. Полистала "Мистерию единения". Задумалась. Золотой век? Откуда? Все так грустно. А золотой век – это не грусть, это когда всем хорошо – и Тине, и мужу, и ей, и Зимину, который день и ночь ищет потерянную любимую в интернете.

Оказывается, он уже наступил. Но многие живут по привычке, не догадываясь об этом. Они же привыкли, что все так отвратно. Отправила письмо через два этажа: "Зимин, ты зачем говоришь - золотой век, а как же все эти катастрофы? Америка, наконец". Зимин ответил быстро, видно, клиентов не было, ответил – для тех, кто заслужил. У кого ощущение! - А если у меня плохие ощущения? - Сама не хочешь, значит, привязки, значит, ненужный груз. Надо еще дорасти, чтобы думать о вечном... Так-так...

Она делала выборку, работала, попутно отвечая на всякие опросы, анкеты. Она была так тиха, так покорна, что не задумывалась. Просят – ну вот вам, берите. Она любила считать, заполнять, заверять, она была таким талантливым клерком, что работа без граф, ведомостей и стрекотания струйника была для нее немислима. Меланхоличная полная Павлинка с большими глазами и губами, концы которых неизбежно загибались вниз, в пестром просторном блузоне, который то ли платье, то ли кофта – когда как нужно.

Однако за выборку начальник похвалил ее. А на другой день пришел имэйлик: вы в анкете покупателя набрали большие очки и вот вам приз, сударыня. И что вы думаете? Да наушники, о которых она так мечтала. Ура! Еще один человек предложил ей обзреть но-

винки. Тут уж предстояло пошевелить мозгами! Тем более некоторые книги и у них были в продаже. Павлинка умела быстро читать, но здесь даже читать-то не надо было. Скорее создавать путеводитель с комментариями. А как же он на нее вышел? Может, опять засветилась в каком-то опросе?

Павлинка с головой ушла в обзоры. Ну, все равно же выборку делать. Несколько дней выбирала, обзревала – сколько-то долларов пришло... "Тинатин! – вспомнила Павлинка. - Просит новую косметику, так вот тебе, детка, новая линия. А мне новые книжки. А мне диск новый надо, который у "Снайперов" вышел". Рассказала мужу, тот удивился:

- Ты что, уже научилась отправлять имэйлы? А ты помнишь, какие у тебя были обломы в интернете месяц назад? Помнишь, как ушла, а интернет не выключила?

И засмеялся. Ага, хороший признак. Подкалывает, значит, оттаял. Жизнь снова становилась привлекательной. Огорчения? Полно. У нее только за последние дни столько друзей появилось. И вот сейчас она откроет ящик и... И что? Этого же нет в реальности, нет, только холодные сигналы на спящем экране, о чем волноваться? Но тукает сердечко, предвещает.

Идя на работу, Павлинка столкнулась с Зиминим.

- Какие новости в небесных сферах?

- Сегодня очень символично все. Сегодня просто потрясающе – будет подниматься Атлантида.

- Но она же мертва! Ее затопило...

- В душах. Сегодня самое главное строится там! Ты чувствуешь что-то особое? - Ага! Помолодела, любишь всех? И все можешь? - Зимин улыбался.

- Да, Зимочка. Спасибо за дискету. Я даже знаю, что буду делать не только сегодня, но и завтра, послезавтра... А ты не сектант ли, часом, не помешался без своей беглянки?

- Да какое! - Зимин по-детски оттопырил губы. - Говорят тебе - главное в душе. Ты сейчас все можешь. Ну? Что не нравится?

- Мне... Мне не нравится вот эта дверь из отдела, когда я хожу через клиентский зал. Все мимо начальника. И люди ко мне не могут...

- Так ты открой прямую дверь, которая была сначала.

- Надо подписи начальников, охраны, меня убьют... Столы переставить... Нет, боюсь. Надо просить кого-то.

- Так-так. Хочешь передоверить, отказываешься от свободного волеизъявления. Ты сама, без подписей, а? Все увидят, что ты для всех, не только для себя. Все же люди, ну? А столы мы поможем с Фредом.

Павлинка пошла. Она удивительно легко пошла через клиентский зал. Яркий блузон трепетал как ветер. Она шла, не боясь никого, так как уже знала - все гениально получится. За окном летел и вихрился снежок. Началось потепление. Может, у нее появилась защита от горестей. А может, это действительно связано с Атлантидой?

Сергей Фаустов

## МИНИСТИХОФОРМЫ ДЛЯ ДРУЗЕЙ

В рамках проекта «Единство в книге» вышла книжка стихов Елены Поповой. При взятии в первый раз рукописи этой книги и сразу после прочтения у меня не было ни желаний, ни надежды писать отзыв или рецензию, тем более предисловие или послесловие.

Современная поэзия всегда ставит меня в тупик, а еще лучше сказать в состояние, описываемое названием группы *dire strate* - «затруднительное положение».

Раньше, еще несколько десятков лет назад, такого понятия, как современная молодежная поэзия не существовало. Неформальную, неофициальную поэзию можно было прочитать в таких газетах, как «Сельская жизнь» в разделе писем читателей. Вот на память один из таких образцов, сам собой засевавший в голову.

«Где ты был, соловушка,  
Где ты пропадал?  
Я тебя, соловушка,  
Долго-долго ждал!»  
«Я летал за дальние,  
Синие моря...»  
и т.д.

И вот теперь берешь в руки книжку и читаешь:

Счастье мне -  
любить болью.  
Горе мне -  
харкать душою  
на листы.

Это Елена Попова, чью рукопись сейчас я и листаю. (Замечу, что здесь стихи цитируются целиком).

Вообще говоря, ее стихи некомментируемы. No comments! Стихи очень личные, содержат чувства интимного, глубоко личного характера, причем оформлены и выданы в гомеопатических дозах, буквально на острие иглы. Это даже не стихи. Выходит, например, чтец на сцену и перед микрофоном читает:

Стану тишиной  
между твоими  
губами.

Трудно представить себе аплодисменты из зала, тем более, что

автор и не рассчитывала на это, потому что она чувствует, что жизнь сейчас такая, требует фастфуда и fast poetry, «квантования инфы» для быстрой усвояемости. Однако противоречие заключается в том, что, чем меньше слов, причем часто они построены на обедненных до полнейших фразах, чем строже авторская редакция, тем труднее читателю. Например, «Всю ночь шел дождь. *И лужам слишком мокро от слез небес*». Может быть, здесь первая фраза вообще не нужна? Просто написать: *Лужам мокро от слез небес*? Может лужи просто назвать – «небослезы»? Придумать новояз. Ведь уже есть, например, мокроступы, синоним галош. Может эти стихи суть объяснение невысказанного новояза? Еще один пример:

Сквозь окно маршрутки  
небо серое, а не голубое,  
как должно быть.

Здесь даже новояза нет. Просто описано тонированное стекло. Еще можно сказать, что человек видит все в сером цвете, а не в голубом, он пессимист, а не наоборот, «как должно быть». В мировой поэзии, в английской наиболее часто встречается, есть стихи, которые можно было бы объединить общим названием – серый день. Эти стихи начинаются с того, что на улице холодно, сыро, серо, мне одиноко, девушка от меня ушла и теперь мне очень плохо. Или, наоборот, везде плохо, серо, а мне с девушкой хорошо. Вот здесь приведено начало такого стихотворения. Похоже, автор понимает, что продолжать его дальше, означает впасть в банальность, в уже известное, и она останавливается. Но и такой вариант ничуть не лучше. И писать надо, и писать по-старому нельзя. Так что не собирался я ничего комментировать, пока не увидел стихотворения:

Пьяница  
идет за солнцем -  
*ее зовут.*

Ну, во-первых, это не стихотворение. Тогда что же это, просто фраза, загадка? Или минимализм? Министихоформа? Я не знал ответа. Но меня это сильно задело, отмахнуться уже нельзя.

Алитерации - «ница»- «лнце», «за» - «зо», «дёт» - «её» ничего не дают. Поэзия не алитерация, не созвучия, не каламбуры, не игра слов или букв.

Я показал эту фразу профессиональной художнице и она сказала: «Хороший образ, я его представляю». Радиожурналист: «...ни танка, ни максима». Конечно, для максимы уж точно не тянет, даже для мини мало. Молодая девушка сказала, может это анекдот? Для нее это самая привычная литературная форма. Или код, шифрующийся в Суоми, сказал: «Есть японские хокку, они и на оригинале звучат и в переводе остаются содержательными и поэтическими. Здесь же выжимка чувств не соответствует выбранной форме. В переводе на иностранный фраза не будет означать ничего». No comments!

В общем, я решил, что если не разберусь с этим стихотворением, то и всего другого мне не понять и в этом случае ничего писать не буду.

Поэтому данные записки можно рассматривать как еще одну попытку расследования или разработки новых методов познания тонкой материи современной литературы.

Пьяница в обычном представлении есть субъект мужского рода, но может быть и женского. В этом случае «ее зовут» к солнцу - логичная, нормативная структура фразы, (вспомнилось выражение из «Женитьбы» Гоголя: «А невесте скажи, что она подлец!»).

Да, алкоголик тянется к свету - суть содержание.

ТОРА-БОРА И ТАЛИБЫ

Вот и пришел 2002 год. Что я ожидаю в новом году? Скажу сразу, без стеснения, больше всего боюсь Аль-Кайду. Пещеры Тора-Бора таят в себе много страхов и ужасов. Все новости оттуда (многие приведенные строки взяты из них) проходили через меня, и я не мог не откликнуться. Не мастер я писать стихи, но страх велик и не дает он ответа на поставленные вопросы.

Если бы да кабы  
Были мы арабы  
Или если бы  
Были б мы талибами...  
Только не Бен Ладен,  
Будь он неладен.

Талибы поймали пуштунов,  
Пуштунов казнили талибы.  
Пошто их казнили талибы,  
Пошто не по нраву пуштуны?

Как в Кабуле, Кандагаре  
Провели опять удары.  
Бомбами, ракетой,  
Били нечисть эту!

Талибы ушли из Кабула  
И там теперь нету талибов.  
Куда же уходят талибы,  
Чего ж без талибов там будет?

Каково же пленному талибу,  
Как поймали, увезли на Кубу?  
Счастье где? Да там оно -  
На базе Гуантанамо!

И вот в Кабул пришел Карзай -  
Правитель нового Афгана.  
Смелей, Карзай, давай, дерзай -  
Зачисть Афган от хулиганов!

Мне вспоминается тот метод синонимов, который я применил в «Харизме вологодской литературы» для распознавания смысла фразы Валерия Архипова из одного его стихотворения: «...хромою уточкой отгаивает жизнь». Напомню его.

Попробуем заменить слова в этой фразе на синонимы, на наборы синонимов. Получится: «Колченогою, хромоногою, переваливаясь с боку на бок, уточкой, вразвалку, утицей, враскачку, вперевалку, вперевалочку смягчается, отходит, отмякает житье-бытье, житие, жизнь, век, существование.»

В переводе на окончательный вариант фраза будет выглядеть примерно так: «Кончаясь, век хромает», или «Медленно смягчается наше житье-бытье на исходе века», или «С грехом пополам наступила тепель» и так далее. Здесь предоставляется большой простор уже не только для поиска синонимов, а для аллюзий и в иные смысловые сферы. Сама по себе подстановка синонимов ничего не проясняет. Это как подстрочник, которому еще нужно придать приемлемую форму. Но... «метод подстановки синонимов» позволяет переводить тек-

сты, «нормализовывать» их, делать их более доступными пониманию.

Здесь же меня больше привлекает метод антонимов, согласно которому фраза будет выглядеть так: «Трезвенник стоит перед тьмой - его не зовут (он молчит)». Про таких сейчас говорят - тормоз. Значит, чтобы не быть таким, надо пить. No comments!

Стихотворение прославляет романтику алкоголизма, как в прежние годы стихи прославляли романтику трудных дорог. И жизнь была другая, и стихи были другие. И тогда было тяжело и сейчас нелегко - и поэтам и читателям. Трудны дороги поэтов, труден удел читателей.

Было бы несправедливо на этом поставить точку.

Особняком стоят несколько стихотворений. Они посвящены собакам, содержат в себе искреннее желание автора точно, понятно, именно поэтически выразить чувство. Слова как бы (sic!) обращены к собаке, поэтому они наполнены не наигранной смелостью или шоком, не брутальным романтизмом, не чувственным эротизмом, не зашифрованными посланиями посвященным, хотя все перечисленное и не рассматривается как недостатки, ничуть, они несут в себе честность, ту самую, которой как раз не то,

чтобы лишены, но которой не увидеть на поверхности в большинстве стихов Елены Поповой. «Почему собака не может притвориться печальной? Потому что она слишком честная?» Так Витгенштейн писал в одном из своих философских исследований. Подобное свойство есть и в других стихах, например, про лошадь. Шифровка и честность - две взаимопротиворечивые, обратные категории. Елена Попова использует обе.

В поэтическом пространстве стихи, как правило, идут впереди их написавшего автора. Для новой книжки Елены Поповой состояние скорее наоборот. Чтобы понять, даже не понять, а проникнуться ее стихами читателям следует с ней сначала познакомиться, а еще лучше подружиться. После этого стихи войдут в эмоциональный круг читателя как неотъемлемое окружение, близкий и понятный атрибут дружбы и знакомства. Кажется, что в этой книжке автор интереснее стихов. Но об этом судить ее друзьям. Вот на этом можно и закончить, памятуя, о том, что история искусства показала, что часто значительные произведения первоначально создавались только для друзей.

## Анатолий НОВОЖИЛОВ

Страдалица-баба к врачу прибежала:  
 - На мужа лихая хвороба напала!  
 Я чашечку чая поставлю на ужин,  
 Он, выпивши чай, чашку слопает тут же.  
 Лишь ручка одна остается от чашки!  
 Такая беда, и подумать-то тяжко. -  
 И, высыпав ручек изрядную горку,  
 Зарылась рукою, заплакала горько.  
 - Действительно странно. В предложенной пище  
 Он есть забывает саму вкусотищу.

## Валентина ТУРЬЕВА

ОБЕЗЬЯНА  
(песенка)

Так случилось, что однажды  
 старый крокодил  
 К обезьяне очень важной  
 В гости приходил.  
 Он любил ее, наверно,  
 И сказать хотел.  
 Только промолчал об этом:  
 Очень был не смел.  
 А она грызет бананы -  
 Тоже удивил:  
 Бегемот сегодня рано  
 Утром приходил.  
 Он любил меня, наверно,  
 И сказать хотел.  
 Только промолчал об этом:  
 Очень был несмел.  
 Чтож, по мне и тигр страдает:  
 В полудневный зной,  
 Пальму целый час лаская,  
 Тер внизу спиной.  
 Он любил меня, наверно,  
 И сказать хотел  
 Только промолчал об этом:  
 Очень был несмел.  
 А потом у обезьяны стал тоскливый взгляд:  
 Говорили б, что ли, прямо,  
 Что же все молчат?  
 Обезьяновы страдания можно объяснить:  
 Как же в таком молчаньи  
 Замуж выходить?!
 Как они не понимают:  
 В круговерти дней  
 Старой девой оставляют  
 Скромностью своей.  
 Ей тревожно, ей не спится -  
 Не сойти б с ума.  
 "Если кто еще явится,  
 я скажу сама!"

Рисунок Татьяны Корниловой

Юлия КЛЮКИНОВА  
МАТЬ СЕМЕЙСТВА

Телевизор... то есть нет, холодильник...  
 То есть... как его... в шкафу посмотрите.  
 Да отстаньте от меня! Разбудили,  
 А теперь - склероз, склероз... Сами спите  
 На ходу, причем при всякой погоде!  
 Ну и что, что нет в шкафу? Ну, а где же?  
 А на полке... То есть, в этом комод?  
 Нет, ну прямо без ножа меня режут!  
 Что мы ищем-то, скажите хоть, люди!  
 Вещь-то стоит ли того, чтоб искали?  
 Ну конечно: "Вот опять все забудет,  
 Ну, а мы из-за нее опоздали!"  
 Что? Очки? Опять? А раньше где были?  
 В ванной гляньте, посмотрите газеты...  
 Что ты ерзаешь? Опять что забыли?  
 Ты на них сидишь?! Конец света!



## И.К. РЫЛОВ

БЕЗДЕЛЬНИК И ДУРА  
(басня о важном)

Однажды вдруг один бездельник,  
 Над дамой пошутить решив,  
 Ей подарил презерватив,  
 Сказал, что придет в понедельник.  
 Однако дама та была  
 Слегка от роду глуповата.  
 Презерватив набила ватой  
 И свечку перед ним зажгла.  
 И чем же кончилась история?  
 Внезапно заболевши корью,  
 Бездельник так и не пришел,  
 У дамы ж загорелся стол  
 И оттого пожар случился.  
 И дом ее сгорел дотла,  
 Осталась ей одна зола,  
 Пока бездельник сей лечился.

Мораль из сей ужаснейшей истории  
 Легко любому олуху понять!  
 Прививки делать надобно от кори,  
 Вещей полезных дурам не давать.



**Н.Писарева: Ее мечта?**

Люди творческие - странный народ, каждый со своими тараканами в голове. Г. Щекина тоже своеобразный человек. В ней сочетаются умение расположить к себе людей и некоторая грубость, бьющая ключом энергия и ментальные спады настроения. У таких людей, как правило, сложная судьба. Родилась в Воронеже, закончила экономический факультет. В 1979 переехала в Вологду и работала на заводе. Но ее всегда тянуло к литературе. А на ее творчество большое влияние оказала поэзия Цветаевой и Бродского (на меня лично - да, но тексты с этим никак не связаны - Г.Щ.). Она написала пять книг, среди них наиболее известны «Бася и К», «Графоманка», «Фоменко» (первый раз слышу - Г.Щ.), «Теднум или большое ностальжи», «Мелисса». Главная тема - человек творящий, чаще всего это женщина, которая пытается найти свое предназначение, понять, для чего пришла в этот мир. В конце беседы Галина рассказала о своей мечте: тихая комната, легкие занавески на окнах и... компьютер. Чтобы творить. Она мечтает я заниматься любимым делом, мечтает дарить людям свои книги.

**А. Заварина: От Будулая до Лолиты**

Ее речи, сложенные из заразительного говора украинки и здравомыслия россиянки, способны разбудить Везувий. Речь осыпает неожиданной лавиной энергии тех, кто находится в радиусе хорошей слышимости - и кто ею восхищается, и кто называет нехорошими словами. Она не любит людей-огурцов, сидящих на грядке и не взаимодействующих с миром, не терпит следовать правилам, не считает, что шокинг привлекает людей к литературе... Оттого ли, что мир слишком сложен или однообразен, но Щекину не печатают в газетах, не задерживают на рабочих местах. Или она отстывает от норм обыденности? Галина - личность, не встраивающаяся в общество. Многие считают - «она пишет для тех, кто любит Будулая», сама она этого не отрицает. Однако главное - «душа человека тянет и он пытается узнать, для чего он создан». Последняя повесть - вариант новой «Лолиты». Ей 17, ему 58...

**М.Йогман: Без отчеств**

Она не любит отчеств... Немыслимо, но серьезно сочинять Галина начала лишь в 33 года, а до того получала образование и работала по специальности. На ее счету 6 книг, множество критических статей. «Бася и компания» - любимая книга писательницы. Это автобиогра-

фическое произведение. около трети Баси списано с маленькой Галинки - про детей и для детей. Она надеется, что «Бася» поможет детям научиться жалеть, ведь героиня книги маленькая девочка, которую никто не любит.

**Н.Игумнова: И критика пужна**

Бойкая темноволосая женщина быстро вошла в аудиторию. Бросила на нас взгляд темных жгучих глаз... Это была Щекина, известная в некоторых кругах вологодская писательница. В 90-е годы, когда все рушилось. в Вологде возникло две писательских организации. Одна была под председательством Г. Щекиной - вологодская организация союза российских писателей. Председатель другой - Р. Балакшин (союз писателей России). Что касается Щекиной, она разносторонний человек. Стоит отметить, что любит критику. В ее адрес брошено много реплик, в том числе Белов обзывал ее... Артем Кулябин: «Она пренебрежительно относится к творчеству некоторых молодых поэтов. Она намеренно исказила названия моих стихотворений, указала на дидактизм, и о том, что такому молодому еще не следовало бы кого-то учить. Цитирую Щекину: «Очевидно, властителем дум автора являются поэты типа Рубцова...» - увы, именно так она сказала обо мне».

*Что, нам, критикам, больше всего не нравится?!...*

О!, как много нам не нравится в нашей современной провинциальной литературе, да и столичной!! На критических разборках я всегда говорю, что иду войной против тех, кто ставит без разбору слишком много восклицательных знаков!

Вот Нина Садур! Из романа «Чудесные знаки спасенья», («Сад», Вологда, б/и, 1997г.):

*«Но сначала уборка! уборка! уборка! Так, где у нас хлорка! Дело - прежде всего! Налила в ведро воды. Глянула в воду и ахнула: я же вся синяя! губы черные, глаза несусветно черные!» (стр. 83).*

В книге этих знаков очень много, по сути я читал не роман, я читал знаки! Смысл заголовка я постигал беглым взглядом на страницу. Чудесные знаки спасенья, если нет вдохновенья.

Секция критики на совещании российских писателей, что проходило в конце 2001 года, в Доме творчества в Малеевке под Москвой, при обсуждении современного текстуального пространства находила общие темы для дискуссий. И одна из них была такая.

Вот мы, критики, идем войной также еще и против тех, кто пишет не от себя лично, а от имени представителя народа. Пример из Геннадия Цуканова («Реквием по себе», Рязань, «Узорочье», 2000.- 48с.):

*«...Но никуда нам не деться: все мы стоим у разверстой пропасти, у экзистенциального порога...», и еще: «... не могут и никогда не смогут перемонтировать и смазать прожжавешую структуру нашего мозга».*

Как будто я читаю коллективное творчество или партийный меморандум. Это я должен смазать прожжавешую структуру моего мозга?! Автор! Пиши от себя, от своего имени, и не трогай меня. Мы так все считаем!

А еще мы не любим многоточие в стихах.... Я понимаю, если нет слов - метафор, гипербол, синонимов и прочих поэтических приемов - то, конечно, проще поставить многоточие, благодарный читатель «до почувствует». Но... Вот стихи Натальи Варлей из сборника «Кружась над золотыми куполами» (Книжный магазин «Москва». М., 1997г.).



*«И мне еще трудиться  
беспросветно,  
Их сматывая в светлые  
клубки -  
Клубочки счастья...  
Памяти клубки...  
Ничем не восполнимые  
пустоты...»*

Их очень много - вся книга, по сути я читал не стихи, я читал многоточия. Они дают критику возможность творить анархию, вкладывая в многоточия свои смыслы, о которых автор и не догадывался.

Однако нам, критикам, хочется, чтобы читателям казалось, что авторы пишут хорошо. И поэтому мы войной идем против недостатков, которые могут покоробить их, читателей, вкус, не пренебрегая при этом ничем, ни одним знаком, который мог бы этой чудесной и благородной цели способствовать!...



## Анатолий НОЖОЖИЛОВ

Страдалица-баба к врачу прибежала:  
 - На мужа лихая хвороба напала!  
 Я чашечку чая поставлю на ужин,  
 Он, выпивши чай, чашку слопает тут же.  
 Лишь ручка одна остается от чашки!  
 Такая беда, и подумать-то тяжко. -  
 И, высypав ручек изрядную горку,  
 Зарылась рукою, заплакала горько.  
 - Действительно странно. В предложенной пище  
 Он есть забывает саму вкуснотищу.

Юлия КЛЮКИНОВА  
МАТЬ СЕМЕЙСТВА

Телевизор... то есть нет, холодильник...  
 То есть... как его... в шкафу посмотрите.  
 Да отстаньте от меня! Разбудили,  
 А теперь - склероз, склероз... Сами спите  
 На ходу, причем при всякой погоде!  
 Ну и что, что нет в шкафу? Ну, а где же?  
 А на полке... То есть, в этом комодe?  
 Нет, ну прямо без ножа меня режут!  
 Что мы ищем-то, скажите хоть, люди!  
 Вещь-то стоит ли того, чтоб искали?  
 Ну конечно: "Вот опять все забудет,  
 Ну, а мы из-за нее опоздали!"  
 Что? Очки? Опять? А раньше где были?  
 В ванной гляньте, посмотрите газеты...  
 Что ты ерзаешь? Опять что забыли?  
 Ты на них сидишь?! Конец света!

Валентина ТУРЬЕВА  
ОБЕЗЬЯНА  
(песенка)

Так случилось, что однажды  
 старый крокодил  
 К обезьяне очень важной  
 В гости приходил.  
 Он любил ее, наверно,  
 И сказать хотел.  
 Только промолчал об этом:  
 Очень был не смел.  
 А она грызет бананы -  
 Тоже удивил:  
 Бегемот сегодня рано  
 Утром приходил.  
 Он любил меня, наверно,  
 И сказать хотел.  
 Только промолчал об этом:  
 Очень был несмел.  
 Чтож, по мне и тигр страдает:  
 В полудневный зной,  
 Пальму целый час лаская,  
 Тер внизу спиной.  
 Он любил меня, наверно,  
 И сказать хотел  
 Только промолчал об этом:  
 Очень был несмел.  
 А потом у обезьяны стал тоскливый взгляд:  
 Говорили б, что ли, прямо,  
 Что же все молчат?  
 Обезьянoвы страдания можно объяснить:  
 Как же в таком молчаньи  
 Замуж выходить?!  
 Как они не понимают:  
 В круговерти дней  
 Старой девою оставляют  
 Скромностью своей.  
 Ей тревожно, ей не спится -  
 Не сойти б с ума.  
 "Если кто еще явится,  
 я скажу сама!"

Рисунок Татьяны Корниловой

И.К. РЫЛОВ  
БЕЗДЕЛЬНИК И ДУРА  
(басня о важном)

Однажды вдруг один бездельник,  
 Над дамой пошутить решив,  
 Ей подарил презерватив,  
 Сказал, что придет в понедельник.  
 Однако дама та была  
 Слегка от роду глуповата.  
 Презерватив набила ватой  
 И свечку перед ним зажгла.  
 И чем же кончилась история?  
 Внезапно заболевши корью,  
 Бездельник так и не пришел,  
 У дамы ж загорелся стол  
 И оттого пожар случился.  
 И дом ее сгорел дотла,  
 Осталась ей одна зола,  
 Пока бездельник сей лечился.

Мораль из сей ужаснейшей истории  
 Легко любому олуху понять!  
 Прививки делать надобно от кори,  
 Вещей полезных дурам не давать.



Наша оценка

# СТУДЕНТЫ ЖУРФАКА БГУ о Г.ЩЕКИНОЙ

## Н.Писарева: Ее мечта?

Люди творческие - странный народ, каждый со своими тараканами в голове. Г. Щеккина тоже своеобразный человек. В ней сочетаются умение расположить к себе людей и некоторая грубость, бьющая ключом энергия и ментальные спады настроения. У таких людей, как правило, сложная судьба. Родилась в Воронеже, закончила экономический факультет. В 1979 переехала в Вологду и работала на заводе. Но ее всегда тянуло к литературе. А на ее творчество большое влияние оказала поэзия Цветаевой и Бродского (на меня лично - да, но тексты с этим никак не связаны - Г.Щ.). Она написала пять книг, среди них наиболее известны «Бася и К», «Графоманка», «Фоменко» (первый раз слышу - Г.Щ.), «Тедпумм или большое ностальжи», «Мелисса». Главная тема - человек творящий, чаще всего это женщина, которая пытается найти свое предназначение, понять, для чего пришла в этот мир. В конце беседы Галина рассказала о своей мечте: тихая комната, легкие занавески на окнах и... компьютер. Чтобы творить. Она мечтает заниматься любимым делом, мечтает дарить людям свои книги.

## А. Заварина: От Будулая до Лолиты

Ее речи, сложенные из заразительно-го говора украинки и здравомыслия россиянки, способны разбудить Везувий. Речи осыпают неожиданной лавиной энергичных тех, кто находится в радиусе хорошей слышимости - и кто ею восхищается, и кто называет нехорошими словами. Она не любит людей-огурцов, сидящих на грядке и невзаимодействующих с миром, не терпит следовать правилам, не считает, что шокинг привлекает людей к литературе... Оттого ли, что мир слишком сложен или однообразен, но Щеккину не печатают в газетах, не задерживают на рабочих местах. Или она отстывает от норм быденности? Галина - личность, не встраивающаяся в общество. Многие считают - «она пишет для тех, кто любит Будулая», сама она этого не отрицает. Однако главное - «душа человека тянет и он пытается узнать, для чего он создан». Последняя повесть - вариант новой «Лолиты». Ей 17, ему 58...

## М.Йогман: Без отчеств

Она не любит отчеств... Немыслимо, но серьезно сочинять Галина начала лишь в 33 года, а до того получала образование и работала по специальности. На ее счету 6 книг, множество критических статей. «Бася и компания» - любимая книга писательницы. Это автобиогра-

фическое произведение, около трети Баси списано с маленькой Галинки - про детей и для детей. Она надеется, что «Бася» поможет детям научиться жалеть, ведь героиня книги маленькая девочка, которую никто не любит.

## Н.Игумнова: И критика нужна

Бойкая темноволосая женщина быстро вошла в аудиторию. Бросила на нас взгляд темных жгучих глаз... Это была Щеккина, известная в некоторых кругах вологодская писательница. В 90-е годы, когда все рушилось, в Вологде возникло две писательских организации. Одна была под председательством Г. Щеккиной - вологодская организация союза российских писателей. Председатель другой - Р. Балакшин (союз писателей России). Что касается Щеккиной, она разносторонний человек. Стоит отметить, что любит критику. В ее адрес брошено много реплик, в том числе Белов обзывал ее... Артем Кулябин: «Она пренебрежительно относится к творчеству некоторых молодых поэтов. Она намеренно искажила названия моих стихотворений, указала на дидактизм, и о том, что такому молодому еще не следовало бы кого-то учить. Цитирую Щеккину: «Очевидно, властителем дум автора являются поэты типа Рубцова...» - увы, именно так она сказала обо мне».

Что, нам, критикам, больше всего не нравится?!...

О!, как много нам не нравится в нашей современной провинциальной литературе, да и столичной!! На критических разборках я всегда говорю, что иду войной против тех, кто ставит без разбору слишком много восклицательных знаков!

Вот Нина Садур! Из романа «Чудесные знаки спасенья», («Сад», Вологда, б/и, 1997г.):

*«Но сначала уборка! уборка! уборка! Так, где у нас хлорка! Дело - прежде всего! Налила в ведро воды. Глянула в воду и ахнула: я же вся синяя! губы черные, глаза несусветно черные!» (стр. 83).*

В книге этих знаков очень много, по сути я читал не роман, я читал знаки! Смысл заголовка я постигал белым взглядом на странице. Чудесные знаки спасенья, если нет вдохновенья.

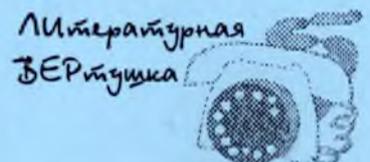
Секция критики на совещании российских писателей, что произошло в конце 2001 года, в Доме творчества в Малеевке под Москвой, при обсуждении современного текстурального пространс:а находила общие темы для дискуссий. И одна из них была такая.

Вот мы, критики, идем войной также еще и против тех, кто пишет не от себя лично, а от имени представителей народа. Пример из Геннадия Цуканова («Реквием по себе», Рязань, «Узорочье», 2000.- 48с.):

*«...Но куда нам не деться: все мы стоим у разверстой пропасти, у экзистенциального порога...», и еще: «... не могут и никогда не смогут перемонтировать и смазать проржавевшую структуру нашего мозга».*

Как будто я читаю коллективное творчество или партийный меморандум. Это я должен смазать проржавевшую структуру моего мозга?! Автор! Пиши от себя, от своего имени, и не трогай меня. Мы так все считаем!

А еще мы не любим многоточие в стихах... Я понимаю, если нет слов - метафор, гипербола, синонимов и прочих поэтических приемов - то, конечно, проще поставить многоточие, благодарный читатель «до почувствует». Но... Вот стихи Натальи Варлей из сборника «Кружась над золотыми куполами» (Книжный магазин «Москва». М., 1997г.).

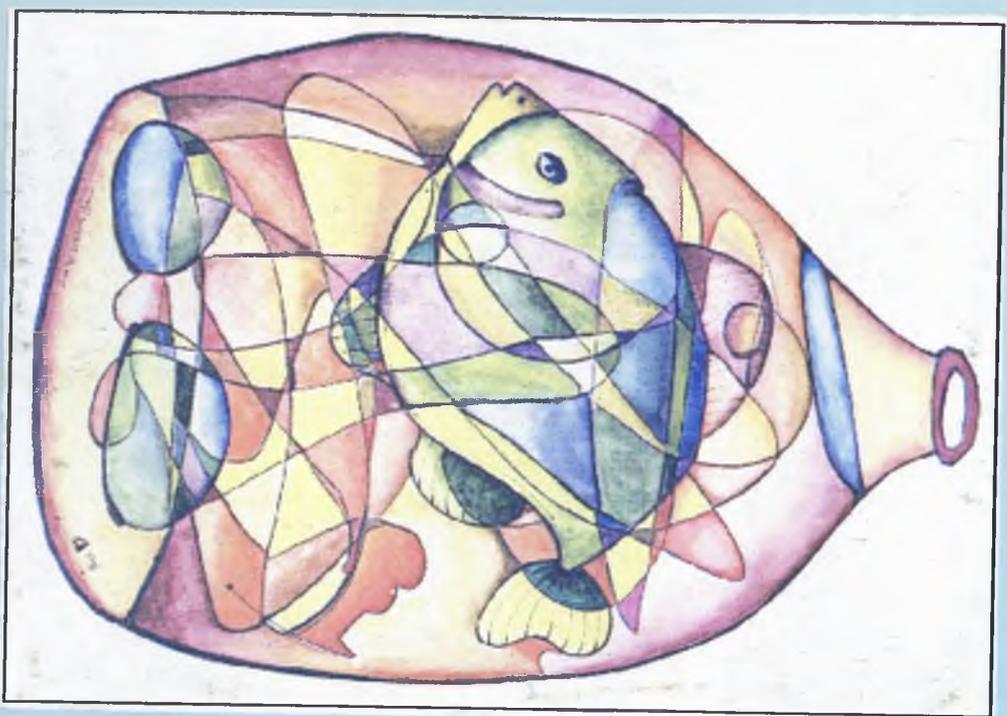


*«И мне еще трудиться  
беспросветно,  
И сматывая в светлые  
клубки -  
Клубочки счастья...  
Памяти клубки...  
Ничем не восполнимые  
пустоты...»*

Их очень много - вся книга, по сути я читал не стихи, я читал многоточия. Они дают критику возможность творить анархию, вкладывая в многоточия свои смыслы, о которых автор и не догадывался.

Однако нам, критикам, хочется, чтобы читателям казалось, что авторы пишут хорошо. И поэтому мы войной идем против недостатков, которые могут покоробить их, читателей, вкус, не пренебрегая при этом ничем, ни одним знаком, который мог бы этой чудесной и благородной цели способствовать!...

Сергей Фаустов  
**ЗАНУДА**  
**ЗАНУДА**



Болодзкітэ літэратурныя  
альманах-выдавец «СТРЕКОЗА»  
прызнаваліся і супрымавалі літэратурны  
і хужожніцкія праекты і жанры!  
Мы былі паважаны і прыгожымі нава  
нобах і сінарх грэсці!

Рыгор Мін

ругуручытоцца і возбраваюцца.

Ізрэчэнняка манітралов со сцякоі на  
«СТРЕКОЗА» прыбелісцібывацца.